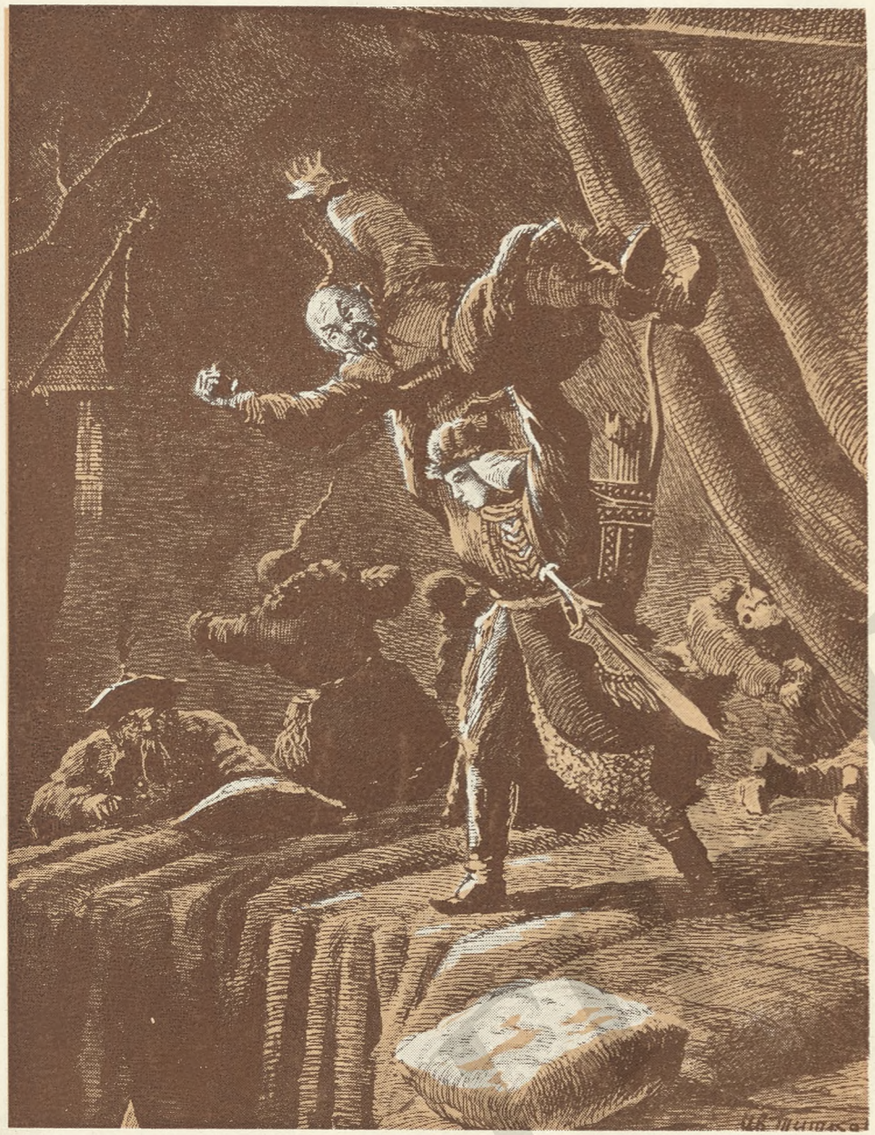
Б
А528

АТЫН ТУУДАН



Алтын тууди

АЛТАЙСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

ПЕРЕВОД А. СМЕРДОВА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. КОПТЕЛОВА

Дорогому другу
Леониду Павловичу
Потапову
От всего сердца
А. Коптелов
28.V.50 г.

НОВОСИБИРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО 1950

© ГПИБ СО РАН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Героический образ девушки. *А. Коптелов* 3
Алтын-Тууди. Перевод *Александра Смердова* . . . 11
Примечания 104

СВЕРЕНО 1984 г.
СВЕРЕНО 1986 г.
СВЕРЕНО 11.2017
Сверено с фондом
1060 11/87
СВЕРЕНО 1983 г.
ГПНТБ СО АН СССР
Гос. публ. научно-техническая библиотека
Б
А. 528
Сверено 1949 г.

Рисунки художника
И. В. ТИТКОВА

Редактор *А. Коптелов.*
Техн. редактор *А. Темиряев.*

Подписано к печати 13 марта 1950 г. МН 01585.
Объём 6,75 печ. л., 5,75 изд. л. Тираж 5000.
Заказ № 1551. Цена 6 р. 75 к.
Типография № 1 Полиграфиздата, г. Новосибирск.

© ГПНТБ СО РАН

ГЕРОИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ДЕВУШКИ

За последние пятнадцать лет было издано несколько книг алтайского героического эпоса в переводе на русский язык[1]. Читатели познакомились с обаятельными образами богатырей, стоящих на защите своей родной земли и освобождающих трудовой народ из-под власти угнетателей — ханов и зайсанов. Богатыри — трудолюбивые, мудрые и храбрые люди. Они всегда одерживают блестящую победу над злыми силами и кладут начало вольной жизни. Герои народного эпоса алтайцев ведут борьбу не только с ханами, но и с злыми богами, являющимися сообщниками ханов. Из этой борьбы богатыри также всегда выходят победителями.

В героическом эпосе алтайцев невесты и жены богатырей окружены большой любовью. Образы их глубоко опоэтизированы. Об этом свидетельствуют имена, которые носят жены богатырей: Кюмюжек-Ару — Чистая Жемчужина, Алтын-Тана — Золотая Пуговица, Торко-Чачак — Шелковая Кисточка, Темене-Коо — Красавица-Игла, Эрдине — Драгоценность и т. д. Жены алтайских богатырей — их верные помощницы не только в труде, но и в бою. Часто они дают мудрые и прозорливые советы. В решающую минуту они садятся на коней и

[1] Когутэй. Москва — Ленинград. 1935 г.; Темир-Санаа, Новосибирск, 1940 г.; Н. У. Улагашев. Алтай-Бучай, Новосибирск, 1941 г.; Н. У. Улагашев. Малчи-Мерген, Новосибирск, 1947 г. и др. Об этих книгах была опубликована статья Л. П. Потапова — Героический эпос алтайцев, журнал «Советская этнография», 1949 г. № 1.

вступают в бой с врагами. Так Байым-Сур из народной поэмы «Козын-Эркеш»[1] во время битвы своего мужа с вражеским войском вооружается большими ножницами и, врезавшись в гущу всадников, состригает головы противников. Алтын-Туулай из поэмы «Ескюс-Уул»[2] заменяет своего мужа в опасном путешествии в подземный мир к злому богу Эрлику. Девушка Баян из поэмы «Кёзюйке»[3] помогает своему жениху одержать победу над врагом. Таких примеров много. Но еще ни в одной героической поэме алтайцев мы не видели женщину в качестве основного действующего лица. Она была только верной помощницей или мудрой советчицей своего мужа. В поэме, предлагаемой вниманию читателя, мы впервые в эпосе алтайцев видим девушку героиней произведения. По одному этому народная героическая поэма «Алтын-Тууди» представляет большой интерес для изучения жизни алтайцев в далеком прошлом.

Поэма «Алтын-Тууди» является одним из самых ярких, высокохудожественных народных произведений. Она отличается смелостью мысли, увлекательными картинами, созданными в духе свойственной эпосу алтайцев гиперболизации и глубокой поэтизации всего того светлого и радостного, что составляет основу и существо произведения.

В этом произведении, сложенном народом в глубокой древности, отражены мечты и чаяния трудящихся алтайцев, задавленных гнетом поработителей. Злой и коварный Тойбон-хан поработил многие «разноязыкие племена» и присвоил их «разномастные стада». Но ненасытному хану этого мало. Увидев, что неподалеку от него кочует со своим племенем старик Караты-хан, у которого нет братьев и друзей, могущих прийти на помощь, Тойбон-хан спешит с войной, чтобы к своим рабам еще прибавить рабов, к своим наворованным стадам еще прибавить большие табуны, стада и отары. Но больше всего Тойбон-хана беспокоит, что народ его соседа «от ханской власти отвык». Хан думает только о том, как бы поскорее прибрать к рукам этих людей.

[1] Н. У. Улагашев. Алтай-Бучай.
[2] Там же.
[3] Там же.

Вся бытовая обстановка и социальные отношения, описанные в поэме, в основе своей имеют реальные исторические черты, хорошо известные нам по времени господства на Алтае ойратских ханов, этих злейших эксплоататоров покоренных ими в свое время трудящихся кочевников. Но образ Алтын-Тууди — богатыря-девушки — свидетельствует о том, что основа этого произведения зародилась гораздо раньше и в некоторой степени отражает ту стадию развития родового общества, когда руководящая роль в общественной жизни принадлежала женщине. Ф. Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» писал:

«Одним из самых нелепых представлений, унаследованных нами от эпохи просвещения XVIII столетия, является мнение, что будто бы в начале развития общества женщина была рабыней мужчины. Женщина у всех диких и у всех варварских племен, стоявших на низшей, средней и отчасти также высшей ступени варварства, не только пользуется свободой, но и занимает весьма почетное положение. Каково это положение еще при парном браке — может засвидетельствовать Артур Райт, проведший много лет миссионером среди ирокезов племени сенека. Он говорит: «...Женщины были большой силой в кланах (родах), да и везде вообще. Случалось, что они не останавливались перед смещением вождя и разжалованием его в рядовые»[1].

По свидетельству греков, в первом тысячелетии до нашей эры у кочевых племен Средней Азии женщины пользовались большой свободой, а во время войн даже занимали командное положение. Надо полагать, что так же было и у племен, кочевавших в Сибири, так как эти племена, подобно народам, населявшим Среднюю Азию, относятся к тюркам.

Позднее «материнское право» потеряло свою силу. На

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XVI, ч. I, стр. 33.

© ГПБ СО АН

заре письменной истории на смену матриархату пришел патриархальный строй.

Ф. Энгельс говорит:

«Ниспровержение материнского права было **всемирно-историческим поражением женского пола.** Муж захватил и в доме бразды правления, а женщина утратила свое почетное положение, была превращена в слугу, рабу его похоти, в простое орудие деторождения. Это приниженное положение женщины, как оно особенно обнаруживается у греков героической и — еще более — классической эпохи, постепенно было лицемерно прикрашено, местами облечено в более мягкую форму, но отнюдь не устранено»[1].

У кочевых народов Сибири женщина постепенно тоже была превращена в совершенно бесправное и забитое существо. Женщина стала меновой ценностью — ее продавали и покупали. По неписанному кодексу собственности во время феодализма, женщина была приравнена к вещи. Так, после смерти мужа она, вместе со всем имуществом, переходила по наследству к одному из его братьев. Этот пережиток левирата соблюдался и в начале нашего века, пока Великая Октябрьская социалистическая революция не уничтожила рабские законы прошлого. Она сделала женщину во всем равной мужчине. Но в далеких долинах Алтая обычай передавать женщину по наследству кое-где соблюдался даже в конце двадцатых годов. Он исчез только в результате той большой политико-воспитательной работы, которую проводила партия среди кочевников, помогая им уничтожать все чуждые народу обычаи прошлого.

В домашнем быту женщина в старое время также постоянно подвергалась унизительному гнету древних обычаев, сложившихся, надо полагать, еще в то время, когда, по словам Ф. Энгельса, было ниспровергнуто материнское право. Так женщина-алтайка не могла называть по имени своего мужа, свекра и всех старших в семье. Этим подчеркивалось, что она

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 40.

для них была подобна вещи, имевшей известную меновую ценность.

В это жестокое и темное время женщина, обращаясь к сохранившимся древним устным народным произведениям, вспоминала об утраченном ею праве и мечтала о том времени, когда она будет во всем равной мужчине. Народная героическая поэма «Алтын-Тууди», направленная против угнетателей, отвечала этим чаяниям и надеждам угнетенных женщин и отражала их светлую мечту. Этим и объясняется то, что древний сюжет о девушке, по существу предводительствующей на войне, донесен до наших дней. Он пользовался большой любовью у простых кочевниц, так как по своему духу был близок их сердцу.

Подобно богатырям-мужчинам, девушка Алтын-Тууди происходит из простой пастушеской семьи. Ее отец Еленчи был одним из многочисленных рабов злого Тойбон-хана. Задавленный существовавшим в то время гнетом, он уже перестал думать о вольной жизни. Дочь свою он учит покорности:

Не вольной птицей ты родилась,
В юрте ханского пастуха росла,
Во власти хана жить будешь...
Добро ли, худо ли тебя ожидает,
Надо приказ исполнять.

В сердце Алтын-Тууди некоторое время жило почтительное отношение к Тойбон-хану, как владыке кочевых племен. Но вскоре она увидела все его злодеяния, и думы ее стали иными:

Если б в таком благодатном краю
Народ без нужды и мучений жил!
Если б эта долина чудесная,
Эти леса с поющими птицами
Народу счастливому принадлежали —
Каким бы радостным был Алтай!

Она поняла, что счастливая, радостная, вольная жизнь может установиться только после того, как власть ханов и зайсанов, грабителей трудового народа, будет навсегда уничто-

жена. Поняв это, она встала на путь борьбы с ханом и его приспешниками.

Хан вероломно обещает ей богатые награды за выполнение таких его поручений, которые должны привести к смерти богатыря-девушки. Он обещает отдать половину своего скота и половину своих рабов. Но неподкупная Алтын-Тууди с достоинством отвергает его предложение:

...властвовать наравне с вами
Над половиной народа не стану —
В бедной юрте я рождена,
Дочерью пастуха останусь.
От ваших даров великих —
От табунов и стад — я отказываюсь.

В другом месте она скромно говорит о себе:

К ханской кости не принадлежу,
Богатырем себя не считаю,
В жилище бедного пастуха
Я родилась и выросла.
На чужую жизнь и чужие богатства
Отец меня посягать не учил,
Мать меня злым умыслам
Никогда не наставляла.

Раскрыв последнюю ловушку, приготовленную ханом для неё, Алтын-Тууди гневно объявляет:

Теперь перед всем народом
Козни ваши раскрылись,
Сейчас перед всем народом
Придется вам расплатиться,
Суровую кару за все нести.

С этими словами она, совершая правосудие, уничтожает хана и его приспешников.

Поэма заканчивается ликованием освобожденного народа, который просит Алтын-Тууди быть его вождем. Богатырь-девушка соглашается стать главой вольных людей.

Во всем этом выражены пламенные мечты народа о свободной жизни без ханов, баев и зайсанов. Это делало поэму

близкой не только женщинам, но и всему трудовому населению Горного Алтая.

Девушка Алтын-Тууди победила страшную шаманку — Хозяйку медной горы, т. е. горного духа, которым шаманы запугивали трудовое население Алтая. Вслед за этим Алтын-Тууди победила синего быка — владыку моря. Этим народ подчеркивает, что человек — хозяин всего. Он сильнее всех. Ему все подвластно. Мудрости и силе его нет предела. Победа его светла и радостна.

Сотни лет шаманы запугивали кочевников злым богом Эрликом, который, в их представлении, жил в подземном мире, в чугунной юрте. Это служило воспитанию трудящихся в духе покорности хану, зайсанам, баям.

Шаманизм служил кочевым феодалам. Злой бог Эрлик очень походит на коварного Тойбон-хана. Он, этот подземный хан, был создан по образу и подобию земного хана, под властью которого находился трудовой народ. В поэме подчеркивается, что Тойбон-хан и Эрлик-бий — близкие друзья. Эрлик даже берет у Тойбон-хана на подержание чугунные кувшины, чтобы, по примеру людей, приготовить себе самогонку (араку) из кислого молока.

Эрлик, в представлении шаманов, грозен и непобедим. Он бессмертен. Тойбон-хан, чувствуя сокрушающую силу богатыря-девушки и будучи бессилен победить её, прибегает к обману и очередной коварной хитрости — он отправляет Алтын-Тууди к кровожадному Эрлику за чугунными кувшинами. Девушка едет туда, откуда нет возврата, и одерживает победу. Человек сильнее бога. Это и понятно, ведь бога придумали угнетатели, чтобы запугать народ и держать его в рабской покорности. С уничтожением власти земных ханов приходит конец их богам,— они больше никому не нужны. Мы знаем народные произведения, в которых богатырь или навсегда заваливает вход в подземный мир или уничтожает злого бога. Так богатырь Токумаш уничтожает Эрлика вместе с его друзьями — зайсаном и демичи.

Поэма «Алтын-Тууди» очень близка трудовому народу.

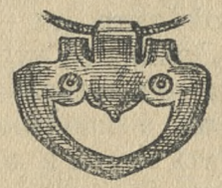
© ГПНТБ

Она выражала его думы, чаяния и надежды. Она была направлена против ханов и зайсанов, баев и шаманов. И в дореволюционное время поэма являлась своего рода запретным произведением. Баи и зайсаны притесняли сказителей, исполнявших ее. Вероятно, этим и объясняется то, что она не была известна старым собирателям алтайского фольклора в этой редакции и под этим названием.

Но сказание о подвигах Алтын-Тууди продолжало жить среди народа. Кайчи — народные сказители — под звуки двуструнных топшуров исполняли эту героическую поэму в тайге у охотничьих костров и на пастушьих стоянках. Она воспитывала в народе гнев против баев и зайсанов, звала к борьбе, вселяла веру в победу. Так из глубины веков дошел до нас, людей социалистического общества, взволнованный рассказ о жизни народа, о его чаяниях и стремлениях, о его борьбе с поработителями.

Над голубым Алтаем, где дружной семьей живут алтайцы, русские и казахи, сияет солнце радости и счастья, о котором мечтали и к которому стремились герои народной поэмы.

А. Коптелов.



АЛТЫН-ТУУДИ

Дорогу долгую укорачивая,
Кайларить я начинаю[1],— слушайте.
В часы досуга весёлого
Топшур я настраиваю[2],— смотрите.
Зимний рассвет приближая,
Сказку сказывать буду,— внимайте.
Во времена отдалённые отправляюсь,
За мною следуйте...

В давно минувшие времена,
Задолго до наших предков,
Задолго до нашего поколения,
В краю, где небо с землёю сходятся,
На голубом, благодатном Алтае,
У подножия девяти гор,
На берегах девяти озёр,
Разноязыкие племена покорив,
Разномастные стада их присвоив,
В шестидесятиугольной,
В белой, как известь, юрте,
Под столетним раскидистым кедром,
С белолицей ханшею Алтын-Чачак,
На золотисто-рыжем коне ездящий —

© ГПНТБ СО РАН

Тойбон-хан жил...
У дымохода белой его юрты,
Долины и горы обозревая,
На расстоянии месячного пути
Всё вокруг видящие —
Два коршуна серых сидели.
У многоступенчатого порога,
На расстоянии годового пути
Чужие запахи чуя,
Два пса-тайгыла лежали[3].
Возле ханского ложа,
Ханский покой охраняя,
Девяносто два стражника стояли.
За ханским богатым застольем,
Желания хана угадывая,
Девять одноликих зайсанов прислуживали...

———

Однажды Тойбон-хан могучий,
С девятислойно-коврового ложа спрыгнув,
Двустворчатую чёрную дверь распахнул,
Через золотой и железный пороги переступив,
Из юрты своей вышел,
Гневным голосом закричал —
Над девятью хребтами Алтая
Крик его, как гром, прокатился,
Неумолкающим эхом Алтай наполнил,
Девять озёр всколыхнул,
Волны, как в бурю, вспенил.
Голос хана услышав,
Народ удивлённый замер,
Девяносто два стражника[4] ханских,
Девять зайсанов[5] одноликих
К дверям золотой юрты сбежались.
— Куда нам прикажешь ехать,

Что нам, хан, делать прикажешь? —
В один голос у хана спросили.
Брови хана, как тучи, нахмурились,
Чёрные глаза кровью налились,
Руки к небу подняв,
Хан облака от лица своего отвёл
И так сказал:
— Девяносто два мои силача,
Девять зайсанов моих преданных,
Моё повеление слушайте,
С быстротою стрелы его выполняйте —
К разноязыкому моему народу
Надо новые племена присоединить,
К разномастному моему скоту
Надо новые стада прибавить!..
Девяносто два стражника,
Девять зайсанов одноликих
Перед ханом на колени пали,
Униженно хана спрашивают:
— В какую сторону нам отправиться,
В какие земли следовать,
С каким ханом войну затевать,
Какой народ полонить,
Милостивый наш хан, укажите,
Мы к битве любой готовы.
Как стрелы из вашего лука, взлетим,
Как медведи, в схватке свирепы будем...
Подобно горе ледяной, Тойбон-хан стоял,
Руки в бока уперши, подумал
И так ответил:
— В краю, где солнце и луна закатываются,
У подножья чёрной горы,
На берегу чёрного моря,
Достигший глубокой старости,
Костьми и телом одряхлевший,
На вороном иноходце ездящий

© ГПНТБ СО АН

Караты-хан проживает.
Дочерей на выданьи он не имеет,
Сына наследника у него нет,
Братьев, которые бы ему на помощь подоспели.
Друга, готового на услуги,
Караты-хан не имеет.
Стада его без охраны бродят,
Народ его разноязыкий
От ханской власти отвык.
Поэтому, верные мои стражники,
Моим народом управляющие зайсаны,
Коней резвых седлайте,
Доспехи боевые надевайте!
Завтра на солнцевосходе
К владеньям Караты-хана двинемся,
Пока другие ханы наживы не почуяли,
Первыми туда мы поспеть должны,
Караты-хана в плен взять!
До земли перед Тойбон-ханом склонившись,
Стражники и зайсаны ответили:
— Никто из нас вспять не двинется,
Как один за тобой пойдем!
Тойбон-хан, в юрту свою удалившись,
В доспехи стал облачаться,
Непроницаемую для стрел кольчугу надел,
Про себя подумал:
«Кто из стражников и зайсанов
Самым верным и храбрым в бою будет,
Без оглядки на смерть пойдёт?»
Много лет назад полонённый им,
Ныне стадо козье пасущий
Старик Еленчи ему вспомнился —
Вот кто правой рукой его мог бы стать.
На белом листе бумаги
Тойбон-хан приказ написал:
«В пределах моего Алтая

Коз пасущий, раб Еленчи!
Это письмо мое получив,
Немедля свои боевые доспехи надень,
На чёрно-гнедого коня садись
И, птицы быстрокрылой проворнее,
Стрелы оперённой быстрее,
К моему порогу лети!
Коль моего повеленья ослушаешься —
Ноги тебе отрублю — к голове приставлю,
Голову оторву и к ногам брошу,—
Проживший долгую жизнь,
На тот свет до срока отправишься!»
Сидевших у дымохода двух коршунов
Тойбон-хан к себе поманил,
Письмо им вручив, наказ дал:
— Быстрее стрелы летите,
Ни днём, ни ночью не отдыхая,
Этот приказ Еленчи доставьте!
Два серых коршуна, могучие крылья расправив,
В небесную высь взвились,
Быстрее слова сказанного взлетели,
Как снежинки в небе растаяли...

С первым лучом восхода
Два серых коршуна цели достигли,
В дымоход убогой юрты пастушьей
Письмо Тойбон-хана бросили.
Старый пастух Еленчи, удивляясь,
Ханский приказ прочитав, задумался:
С ханом ему ли старому спорить,
Лучше к порогу ханскому поторопиться.
Старой своей подруге Ай-Тане
Решил об этом не говорить,
Тайно от нее удалиться...
Из юрты выйдя, старик Еленчи

© ГПНТБ СО АН

Ремённой уздечкой по коновязи ударил —
Вещий тёмногнедой скакун,
В белой долине траву щипавший,
Воду целебную из родника пивший,
Чутким ухом призыв услышал,
Чуть слышный зов хозяйский почуял.
Глазом Еленчи не успел моргнуть,
Тёмногнедой жеребец, как ветер,
Травы копытами не касаясь,
К резной коновязи примчался,
Перед хозяином очутился,
У Еленчи спросил:
— Куда, мой друг, ты ехать надумал,
Зачем ты меня позвал?
Тёмногнедого коня приласкав,
Старик Еленчи сказал:
— Верный мой друг на ночлеге,
Крылья мои в пути,
Конь мой тёмногнедой,
Куда дорога наша лежит —
Пока я и сам не знаю.
Что нас ждёт впереди —
Пока я и сам не ведаю.
Тойбон-хан явиться к нему велит,
Немедля приехать приказывает...
Давно обветшавший потник
Еленчи на спину коня накинул,
Седло деревянное, остролукое
На коня своего приладил,
Подпруги, износу не знающие[6],
Натуго затянул.
Кольчугу железно-чешуйчатую надел,
Лук и колчан за спину повесил.
Жена Еленчи престарелая Ай-Тана,
Сборы мужа увидев, спросила:
— В какие земли, с делом каким,

1060 11/87

Мой старичок, поехать надумал?
Опечаленный Еленчи,
Долго в небо глядя, молчал,
В землю молча глядя, думал,
Наконец ответил:
— Тойбон-хан меня призывает,
Зачем я ему понадобился — не ведаю...
— Ой, мой старый муж Еленчи,
Не с чёрным ли умыслом хан тебя вызывает,
Не седую ли голову твою загубить надумал,
Не за смертью ль своей ты едешь? —
Загоревала, заплакала Ай-Тана,
От горя еще больше сгорбилась.
— Что ж поделаешь, подруга моя,—
Еленчи сказал на прощанье,—
Человек не солнце, чтоб никогда не угаснуть,
Конь не золото, чтоб не истлеть,
Навстречу неясной судьбе поеду.
Ласково он с подругой простился.
Три дочери Еленчи
Неподалеку коз пасли,
Увидев сборы отца, прибежали.
Одна за поводья держит коня,
Другие в седло старика подсаживают.
В один голос отца спрашивают:
— Куда вы, отец наш, едете?..
— Дороги и думы старших
Вам, молодым, не положено знать,
Коня быстроходного в долгом пути
Вам, быстроногим, не обогнать! —
Так Еленчи дочерям ответил,
Хотел в дорогу пуститься.
Но старшая дочь, за повод держась,
Отца умолять начала:
— Ой, мудрый, родной мой отец,
Не вы ли меня в колыбели качали,

ГПНТБ СО АН СССР

Не вы ль меня на руках няньчили,
Чтобы сейчас от меня отказываться...
Разве я, молодая,
Не могу вас в пути заменить?
Разве я так ленива,
Чтоб ваш наказ не выполнить?
Зачем вам, старому, себя утруждать,
Зачем вам жизнь свою укорачивать,
Когда у меня вся жизнь впереди...
Позвольте мне вместо вас поехать!..
Тут и старая Ай-Тана подошла,
Еленчи начала уговаривать:
— Вскормивший славную дочь отец,
Почему ей крылья связываешь,
Почему на первый полёт не благословишь?..
Долго думал старик Еленчи,
На милую дочь смотрел,
Лицо его прояснилось,
Ласково он, наконец, сказал:
— Что ж, дитя мое кровное,
Видно мне уступить придется.
К порогу Тойбон-хана ты явишься,
За меня ответ держать будешь...
С коня Еленчи спешился,
Доспехи с себя поснимал,
Дочери их передал.
Старшая дочь Еленчи,
Бронзового стремени не касаясь,
Как птица в седло взлетела,
Поводья в твердую руку взяла.
Щеки ее, как цветы маральника, алы[7],
Серьги в ушах, как солнечные лучи.
— Старые мои отец и мать,
В путь меня благословите!
Милые мои сёстры,
Коль буду жива, встретимся!

Так сказав, она поводья ослабила,
Конь, как ветер, сорвался,
Как ласточка, полетел.
Там, где тёмногнедой стоял,—
Следы копыт остались,
Там, где промчался он,—
Следов не заметно...

Тёмногнедой жеребец,
Подобно призраку, над землёй летел.
Старшая дочь Еленчи
Еле в седле держалась,
Растерянная, коня уговаривала:
— Отцовский наследственный конь,
Нельзя ль вам бежать потише?
Я еле-еле на вашей спине держусь...
Вещий тёмногнедой конь,
Дочь хозяина пожалев, бег убавил,
Зелёной травы копытами не касаясь,
Мягкой иноходью помчался,
Молодой травы не приминая,
Ровной иноходью побежал.
На исходе долгого дня
На пути их гора железная встала.
У подножья чёрной горы
Шестидесятирогий лохматый марал стоял[8],
Завидев всадницу издалека,
Чёрный лохматый марал к ней обратился:
— У коровы длинный и грязный хвост,
У тебя, девчонка, бесстыжий лоб!
Видно ли, чтоб на битву с ханом
Вместо богатыря баба ехала,
Слыхано ли, чтоб богатырям
Овечье сердце угрожало! —

© ГПНТБ СССР

Так над девицею насмехаясь,
Шестидесятирогий лохматый марал
Раскатисто хохотал...
Старшая дочь Еленчи разгневалась,
Чёрно-стальной меч из ножен выдернув,
Насмешнику так отвечала:
— Не того ли ты, дерзкий, дразнишь,
Кто печень твою мечом продырявит?
Не того ли ты, негодяй, унижаешь,
Кто глупую голову твою отсечёт?..
Коня на дыбы подняв,
Она на марала кинулась.
Вокруг железной черной горы
За маралом долго гонялась,
На третьем круге к нему приблизилась,
Над спиной марала меч подняла,
Опустить его не успела —
Чёрный лохматый марал
Острыми копытами девушку лягнул,
Из седла ее вышиб,
Правую ногу в голени ей переломил
И бесследно пропал мгновенно.
Горько рыдая от униженья,
Дочь Еленчи на коня с трудом взобралась,
Чуть живая домой отправилась...

Удивлённые её возвращением,
Отец, мать и младшие сёстры
Навстречу всаднице вышли.
Редко сердившийся Еленчи — рассердился,
Редко кричавший — на дочь закричал:
— Когда ребёнок иль баба вмешиваются,
Мужчина, не жди удачи!
Так и со мной случилось —

Дочь родная меня подвела...
Как перед грозным Тойбон-ханом
Теперь отвечать я стану?!.
Дочь-неудачницу сняв с седла,
Сам стал в дорогу готовиться,
Кольчугу железную натянул,
Мечом стальным перепоясался,
На жену и дочерей ворчал:
— Видно мне века своего не дожить —
Из-за вас, наверное, я погибну.
Видно своею смертью мне не умереть,
Из-за вас поневоле на тот свет отправлюсь...
Молча старик на коня сел,
Не простясь с родными, хотел уехать,
Не благословив дочерей и жену,
Родное стойбище хотел покинуть.
Средняя дочь, за повод держась,
Отца умолять стала:
— Наш дорогой отец,
Зачем вам, старому, ездой себя утомлять?
Мне молодой позвольте вас заменить.
Зачем вам век укорачивать?
Позвольте молодой мне поехать...
Долго дочь его умоляла,
Долго жена уговаривала,
Снова старый Еленчи обмяк,
Женщинам уступил...
Средняя дочь Еленчи
В его доспехи оделась,
Отцовским мечом опоясалась,
На коня, как птица, взлетела.
Нежно с родителями и сёстрами распрощалась.
Тёмногнедой жеребец
Под нею, как пламя, взвился.
Шелковая кисть её шапки,
По ветру вилась, как струя,

© ГИНТБ СО АН

Золотые кисти старинной сбруи,
Как звезды, в небо взвились.
Как молния, всадница улетела...

Немного времени протекло,
Много верст конь гнедой промчался.
Среднюю дочь Еленчи
Скоро к железно-чёрной горе доставил.
У подножья железной горы
Шестидесятирогий лохматый марал,
Траву пощипывая, гулял.
Среднюю дочь Еленчи
Насмешками, руганью он встретил,
Рёв его по горам раскатился.
Средняя дочь от гнева,
Как цвет маральника, раскраснелась,
На чёрных глазах от обиды,
Как звезды, слезы сверкнули.
Из ножен меч выхватив,
Коня на дыбы подняв,
На марала она полетела,
Вокруг горы преследовать начала,
Лишь на третьем круге
Настигать насмешника стала,
Меч над его головой занесла...
В это мгновенье лохматый марал,
Лягнув, из седла её вышиб,
Левую ногу ей в голени переломил
И как сквозь землю сам провалился.

Средняя дочь Еленчи
Со стоном и воплем домой вернулась.
Кровью глаза Еленчи налились,
Горечью голос его переполнился,

Громко он закричал:
— Горе мне старому, горе!
Напрасно я женщин послушался,
Девчонке снова доверился.
Как я к грозному хану явлюсь,
Что ему отвечать буду?..
За глупых своих дочерей
Седую голову свою положу,
От руки грозного Тойбон-хана
Из-за своих дочерей погибну!..
Снова доспехи свои надев,
Крест-накрест оружие на себя навесив,
Еленчи на коня своего сел,
Молча хотел уехать.
Младшая дочь его — Алтын-Тууди
На поводьях повисла,
Коня остановила,
К отцу обратилась:
— Милостивый мой отец,
Моим старшим сёстрам вы доверялись,
Неужели младшей дочери не пожалеете?
Своего коня вы им доверяли.
Неужели мне поездить на нём не дадите?
Зачем вам старые кости свои утруждать,
Когда мне поездка прогулкой будет.
Зачем вам жизнью своей рисковать,
Когда на меня вы можете положиться.
Клянусь вам молодостью своей —
Пред ханом грозным не оробею,
В схватке кровавой не отступлю,
Вашу честь и имя не опозорю!..
Мрачно нахмурившись, Еленчи
Младшей дочери не отвечал,
Хотел коня стегнуть и уехать.
Алтын-Тууди за поводья крепче вцепилась,
На шее коня повисла,

© ГПНТБ СО АН

Под копыта коня угодить рискуя...
Тут уж старая Ай-Тана, рыдая,
Перед Еленчи на колени упала,
Стала мужа упрашивать:
— Муж мой милый, отец моих дочерей!
Не мы ли с тобой по воле бога
Трёх дочерей породили,
Не от одной ли они пуповины
На родном Алтае на свет появились?..
Отчего, старшим двум дочерям уступив,
Младшей дочери не хочешь уважить —
Иль она самая нелюбимая?
Дважды отъезд твой задерживался,
В третий, быть может, удача ждет,
Младшая дочь, быть может, счастливее...
Оледеневшее сердце старого Еленчи
Понемногу оттаивало,
Окаменевшее сердце его обмякло,
Перед мольбами жены и дочери
Старик не мог устоять,
Неторопливо с коня спустился,
Ворчливо жене и дочери ответил:
— Теперь уж мне всё равно придется
Перед ханом суровый ответ держать —
Пускай уж за всех моих трёх дочерей,
За подругу жизни моей — жену,
Которые, видно, зла мне желают,
Тойбон-хан мне голову отсечёт...
Еленчи доспехи с себя снял,
Младшей дочери в них помог облачиться,
Меч свой от пояса отстегнул,
Алтын-Тууди его молча вручил.
Вздохнуть никто не успел —
Алтын-Тууди уж в седле сидела,
К родителям ласково обратилась:
— Милая моя мать, в утробе меня носившая,

© ИНТБОРАН

Отец мой, в люльке меня качавший,
Не проклинайте меня молодую,
Если в дороге я задержусь.
Чтоб легок был бег моего коня —
В дорогу меня благословите.
Если я к вам не вернусь —
Лихом меня не поминайте,
Знайте, что кости мои тлеют
На месте жестокой битвы,
Знайте, что останки моего коня
На месте схватки кровавой лежат...
Смуглые щёки Алтын-Тууди,
Как заря, раскраснелись,
Бойкие глаза девушки,
Как звёзды, вспыхнули,
Серьги в её ушах
Солнечными лучами засияли.
С родителями и сёстрами попрощавшись,
Она, как ласточка, улетела.
Там, где тёмногнедой конь стоял,—
Следы широких копыт остались,
Там, где он только что пробежал,—
Легкого следа не осталось...

Умный тёмногнедой конь,
Зелёной травы копытами не касаясь,
Красивой иноходью мчался,
Травы молодой не приминая,
Плавной иноходью летел.
Спереди на него посмотреть —
Будто, гриву по ветру распустив, плывет.
Сбоку на него поглядишь —
Будто в пляске ногами перебирает...
Немного времени потеряв,
Большую дорогу конь пробежал,

Чёрно-железную гору Алтын-Тууди увидела.
Шестидесятирогий лохматый марал
Насмешливой руганью всадницу встретил.
Услышав рёв его непристойный,
Алтын-Тууди переполнилась гневом,
Голос её, как сталь, зазвенел:
— Не того ли ты, бык туполобый, позоришь,
В чьей руке твоя смерть находится?
Не с тем ли ты, дерзкий хвастун, связался,
Кто твой горбатый хребет переломит?!.
Так ответив, Алтын-Тууди,
Меч стальной из ножен выдернув,
Коня своего на марала направила.
Марал наутёк вкруг горы пустился.
На первом же круге Алтын-Тууди
Шестидесятирогого марала настигла,
Тяжёлый меч над спиной его занесла
И вдруг знакомый голос услышала:
— Ой, моя милая младшая дочь,
Зачем ты на старца-отца своего
Меч булатный заносишь,
Жизни его хочешь лишить?
Свет луны у глаз моих не отнимай,
Солнечного света меня не лишай,
Дай мне остаток века моего дожить!..
Глаза Алтын-Тууди протёрла —
Вместо марала лохматого перед нею
На плоском камне — её отец
Старик Еленчи сидит.
Ручьями пота лицо его изборождено,
Бока его, как меха горна, ходят,
С одышкой, совсем запалённый,
Жалобно Еленчи говорит:
— Храбрая, сильная дочь моя,
Теперь я своими глазами увидел —
То, чего сам совершить не могу я,

Ты за меня совершить сумеешь.
Теперь на себе испытал я
Силу твою, и смелость, и ловкость,—
На славные подвиги ты способна!
Мудрость и красноречие
Пусть с тобой всегда будут —
Самые хитрые тебя не обманут!
Чтоб самые плечистые тебя не побороли,
Пусть силы тебя никогда не покидают!
Чтоб бедностью тебя никто поносить не
посмел,
Чтоб бабой тебя называть
Никто не осмеливался,
Пусть гордая воля в тебе живёт!..
Так младшую дочь свою
Старик Еленчи благословлял,
Ласковым словом напутствовал,
На стойбище хана её направил.
— За благословенье и добрый совет
Вам, мой старый отец, спасибо! —
Так Алтын-Тууди ответила.
Больше ни слова отцу не сказав,
Вперёд быстрее стрелы полетела.
Старик Еленчи, опираясь на посох,
Тихо домой побрёл...

Поводьев из рук не выпуская,
Целый день без попутчика,
Тёмной ночью — без сна,
Не останавливаясь, Алтын-Тууди ехала.
Безустали конь тёмногнедой мчался,
Между ушей его белая пена взбилась,
Подобно руну овечьему клубится.
«Пожалуй, и сам Еленчи, когда молод был,
Так меня не загонял, как дочка его —

В кого такая она уродилась?» —
Тёмногнедой про себя подумал...
Алтын-Тууди неутомимая
Звонким голосом напевает.
На вершинах скал обрывистых замирая,
Горные туры песнь её слушают.
Из таёжной чащи маралы выбегают
Голос Алтын-Тууди послушать...
Через многие горы перевалив,
Многие реки перебредя,
Алтын-Тууди во владенья Тойбон-хана въехала,
На стойбище его прискакала.
С вершины белой горы вокруг поглядела —
Девять остроконечных гор
Долину ханскую обступили,
Девять круглых озёр
У подножья скал серебрятся.
Шестидесятиугольная юрта
Посредине долины высится,
Серебряная её вершина выше гор подымается.
Шестигранная бронзовая коновязь
В белую тучу вонзается,
Под лучами солнца горит.
Дыханье коней многочисленных
Над долиной туманом стелется,
Лица неисчислимых воинов
Как пожар полыхают...
При виде этого Алтын-Тууди оробела,
Юное сердце её затрепетало,
Волосы на голове зашевелились.
«Видно грозен и могуч Тойбон-хан,
А я пред ним, как травинка жалкая...
Ну, будь, что будет — не отступлю,
К порогу хана прямо поеду!» —
Так Алтын-Тууди решила,
С белой горы, как птица,

© ГПНТБ СО РАН

В долину ханскую полетела.
Девяносто два свирепых стражника,
Девять зайсанов одноликих,
Тёмногнедого коня завидев,
В один голос закричали:
— Наконец-то старик Еленчи
По приказу хана является,
За опозданье своё поплатится!..
Навстречу всаднику силачи и зайсаны кинулись.
Пред ними вместо дряхлого Еленчи —
Красавица белолицая на коне.
Шёлковые кисти её одежды
По ветру струятся,
Золотые кисти на солнце горят.
Сверкающий взор Алтын-Тууди
Стражников и зайсанов обжигает.
Толкая друг друга, гурьбою
Силачи и зайсаны в ханскую юрту кинулись,
Перебивая друг друга, хану докладывают:
— Могучий и светлый Тойбон-хан,
Старый Еленчи над вами глумится —
Вместо себя на коня посадил
Младшую дочь свою малолетнюю.
Эта посланница дерзкого Еленчи
К порогу вашему прибыла,
Что с нею делать — прикажите!..
Выслушав слуг своих, Тойбон-хан
Жарче огня распалился,
Краснее крови лицо его стало,
Голос, как железо, загромыхал:
— Над кем он, негодный, смеяться вздумал?!
Пусть от меня пощады не ждёт!
Когда из похода вернусь —
Голову чёрную его отрублю!
Чтоб и духу его на земле не осталось —
Род его с корнем вырву!

Чтоб наследства никому не осталось —
Стойбище его дотла выжгу!..
Двустворчатую дверь распахнув,
Тойбон-хан из юрты выбежал,
При виде Алтын-Тууди
Глаза его кровью налились,
На лбу морщины жирные заходили,
Грозно он закричал:
— Э-ей, беспутная девка,
Зачем сюда ты пожаловала?!
Наверно девяносто двум силачам моим
Женою стать захотела?
У девяти моих верных зайсанов
Служанкой, рабыней быть пожелала?!
Жилище и стойбище моё не погань,
Немедля прочь убирайся!
В разврат и срам нас не завлекай,
С глаз моих поспеши скрыться!..
Алтын-Тууди, как под ударами плети
Голову опустив, стояла,
Глаз не поднимая, тихо сказала:
— Милостивый Тойбон-хан,
Прочь от себя меня не гоните,
В поход с собою возьмите,
Буду вам пищу готовить, прислуживать...
Тойбон-хан при этих словах
Ещё больше распалился,
Еще громче заорал:
— Невиданное бесстыдство,
Неслыханная дерзость!..
Видано ли, чтоб хана
В походе женщина сопровождала?
Видано ли, чтоб на поле боя
Среди воинов женщина суетилась?!
Предстоящую мне дорогу не оскверняй,
Соринкой в моём глазу не торчи,

© ГПНТБ СО РАН

Немедленно во-свояси убирайся,
Гнева моего не распаляй!..
Отплёвываясь и ругаясь,
Хан от Алтын-Тууди отвернулся,
Девяносто двум стражникам,
Девяти одноликим зайсанам
В поход выступать приказал.
Как лес дремучий, войско долину заполнило,
Как дикая река, зашумело.
Тойсон-хан, в боевые доспехи одетый,
С ханшей Алтын-Чачак распрощался,
На коня боевого сел,
Во главе своей дикой орды помчался...
Алтын-Тууди, растерянная,
Долго-долго вослед глядела.
Многочисленные следы копыт
Долго-долго разглядывала.
Слёзы из глаз её полились,
Луку седла омывая.
Так она целый день недвижимо
На одном месте стояла, думая:
«Если домой возвращусь —
Ещё и отцом опозорена буду,
Бедного старика совсем изведу...
Лучше уж вслед за ханом поеду,
Пусть от руки его смерть приму!»
Так решив, Алтын-Тууди ободрилась,
Тёмногнедого коня стегнув,
В догонку ханскому войску пустилась,
По его следам полетела.
На местах его привалов ночных
Свой ночлег устраивала.
Там, где воины костры свои жгли,
Она свой обед варила.
Высокие горы переваливая, ехала,
Через быстрые реки, озёра глубокие

Переплывая, за войском спешила,
Мышцы тёмногнедого коня
От бега быстрого раскалились,
Кровь горячая скакуна,
Как кипяток, бурлила,
Не умеряя иноходи плавной,
Неутомимый конь мчался.
Наконец, Алтын-Тууди
Войско хана завидела —
На берегу чёрного озера
Лагерем оно расположилось.
Девяносто два силача,
Девять зайсанов одноликих
В девяти казанах медных
Мясо жирное на обед варили,
Из девяносто двух ташауров[9]
Араку[10] крепкую наливая,
Весело пировали.
Алтын-Тууди, приблизиться к ним не смея,
Свой костёр в отдалении развела,
В одиночестве у костра сидела,
О судьбе своей размышляя:
«За обиды, мне причиненные,
Отомщу ли я им когда-нибудь?..
За оскорбления, мне нанесённые,
Пристыдить их доведётся ли?..
Что меня впереди ожидает —
Я не знаю, не ведаю»...
Слезами обливаясь, она думала.
Верного друга своего —
Тёмногнедого коня лаская,
Нежно ему говорила:
— Сочной белой травой,
Мой друг, наедайся досыта,
Силы накапливай.
Целебной водою из родника,

© ГПНТБ СО АН

Мой милый, вволю напейся,
Чтоб усталь твоя прошла, —
Нам ещё путь большой предстоит,
Великие испытания ждут...
Белую кошму разостлав,
Седло под голову положив,
Алтын-Тууди прилегла и уснула...

На утренней заре Алтын-Тууди пробудилась —
В лагере Тойбон-хана шум стоит.
Из коры берёзовой лодки сделав,
Войско через озеро переправляется,
Многие всадники вплавь
На берег Караты-хана перебираются.
Зычным голосом Тойбон-хан
Переправой распоряжается.
Девяносто два силача,
Девять зайсанов одноликих
Возле хана суетятся.
Алтын-Тууди торопливо коня заседлала,
На берег чёрного озера помчалась.
К Тойбон-хану приблизившись,
К нему и свите его обратилась:
— Мой хан, силачи и зайсаны!
Прошу вас, с собою меня возьмите,
В пустынных этих местах не покидайте!
Одежду и обувь, в пути изношенную,
Буду вам я чинить.
Если в бою кто будет поранен,
Раны перевяжу!..
Тойбон-хан, пред собою её увидев,
Просьбу девушки услыхав,
Глумясь над нею, ответил:
— Если нам женщина для услады
понадобится —

На земле Караты-хана красавиц найдем,
Если нам слуги понадобятся —
Для этого пленников в битве добудем!
Распутную девицу незачем за собой таскать...
Девяносто два силача захохотали.
Девять зайсанов со смеху по земле катаются.
Алтын-Тууди, оскорблённая,
Как раскалённое железо покраснела,
Гневно хану сказала:
— Хоть вы меня и бесчестите,
Я от вас не отстану —
За перевалом ещё встретимся!
Хоть и обиду мне горькую нанесли,
Назад возвращаться не стану,
На том берегу озера свидимся!
Так сказав, Алтын-Тууди отъехала,
На Тойбон-хана больше не глянула,
На переправу его не глядела.
К тёмногнедому коню своему
С таким вопросом обратилась:
— Отца моего наследственный конь,
Давний и верный его слуга,
Неужели мне не поможешь,
Мудрым советом меня не выручишь?..
Вещий тёмногнедой конь,
Гривой пышной тряхнув, заржал,
По-человечьи заговорил:
— Дочь моего хозяина, не унывай!
Теперь на меня положись,
Моему совету доброму следуй.
Подождём пока хан из виду скроется,
Будем через озеро переправляться.
В гриве длинной моей
Плеть с золотой рукоятью спрятана.
Кроме отца твоего Еленчи,
Никто на свете о ней не знает,

© ГПНТБ СО АН

Ни разу ею никто меня не стегал.
Эту плётку в руку возьми,
По крупу не сильно меня хлестни,
Да крепче за луку седла держись,
Смотри, с меня не свались!..
Когда из виду войско хана исчезло,
За перевалом скрылось,—
Алтын-Тууди в пышной гриве коня
Плеть с золотой рукоятью нашла,
Для разбега на дневное расстояние назад
отъехала.
Плетью коня легонько стегнула,
Сама за луку седла ухватилась.
Как молния, взвился тёмногнедой жеребец,
Как чёрный вихрь, над землёй взлетел,
Чёрное озеро перемахнул,
Под облаками полетел.
Алтын-Тууди в седле еле держится:
Станет вперёд валиться —
Конь её шеей своей поддерживает,
Назад начинает валиться —
Конь хвостом своим ее подпирает...
Сколько так они пролетели —
Алтын-Тууди не запомнила,
Опамятовалась лишь тогда,
Когда её тёмногнедой конь,
Чёрное озеро перелетев,
Через горный хребет перевалив,
В белую необозримую долину спустился,
По пыльной и ровной дороге
Плавной иноходью побежал...
Алтын-Тууди вокруг огляделась —
Войска хана нигде не видно,
Следов на дороге не заметно, —
Должно быть хана она опередила.
На горную седловину поднявшись,

С высокого перевала вокруг поглядев,
Алтын-Тууди спешилась,
Другу-коню нежно сказала:
— После такого пути
Пора тебе передохнуть, погулять.
Золотистую шерсть просуши от пота,
Белой травы наешься досыта,
Шелковистую гриву проветри,
Целебной воды родниковой напейся...
Коня, расседлав, она отпустила,
Сама среди белых цветов
На белый потник прилегла.
Сквозь дрёму она на долину смотрела
И красоте её удивлялась:
Деревья с вечно зелёной листвой
Молодыми побегами в небо тянутся,
Голоса яркопёрых птичек
Среди ветвей звенят, не умолкая.
Золотисто-розовые плоды
Ветви деревьев к земле пригибают.
Вещий голос кукушки
В лесу разносится звонко.
Цветочный ковёр бескрайний
Во все стороны расстилается.
Бабочки разноцветные,
Как лепестки, в воздухе вьются...
Сквозь дрёму Алтын-Тууди думала:
«Если б в таком благодатном краю
Народ без нужды и мучений жил!..
Если б эта долина чудесная,
Эти леса с поющими птицами
Народу счастливому принадлежали —
Каким бы радостным был Алтай!»
Так и заснула Алтын-Тууди
И радостно во сне улыбалась...

Только к исходу второго дня
Войско грозного Тойбон-хана
Этой долины достигло.
Когда Тойбон-хан со свитой,
На горный перевал поднявшись,
Спящую Алтын-Тууди увидел —
От удивления чуть с коня не свалился.
Стражники и зайсаны его
В один голос ахнули.
Кони, зафыркав, назад попятились...
«Должно быть каким-то чудом
Эта девчонка сюда попала,
На два дня пути меня опередила...
Видно меня она не боится,
Если на моей дороге спать улеглась»,—
Так Тойбон-хан подумал.
— Видно какой-то тайной силой
Эта девчонка владеет,
Не было б нам от неё беды,—
В страхе стражники и зайсаны зашептались.
«Надо сначала Караты-хана победить,
Потом и девкой этой заняться,
Если встанет она поперёк пути.
Лучше сейчас мне с нею не связываться!»
Так подумав, Тойбон-хан
Решил Алтын-Тууди стороной объехать,
Привала тут не устраивать,
Чтоб девушку не разбудить...
Злость свою на коня излил:
Плетью из девяти шкур воловьих
По крупу коня своего ударил —
До кости мясо рассек,
В сторону с дороги свернув, помчался.
Девяносто два стражника,
Девять зайсанов одноликих
Вслед за Тойбон-ханом кинулись...

———

Одряхлевший душой и телом,
Мрачный Караты-хан
В шестидесятиугольной юрте сидел,
Старческой дрёмой одолеваемый...
Вдруг услышал Караты-хан
Ржанье коня своего вороного —
Тревога и горе в голосе слышались.
У дымохода сидевшие два беркута
Тревожно крыльями замахали,
Жалобно закричали.
У дверей лежавшие два пса-тайгыла
Протяжно завыли, залаяли.
Караты-хан, почуяв недоброе,
Дрёму и слабость с себя стряхнув,
Из юрты вмиг выскочил.
Бархатно-вороной его конь,
Коновязь серебряную до земли пригнув,
На привязи бьётся и ржёт,
Из глаз его слёзы градом сыплются.
— Что с тобою, мой верный конь? —
Караты-хан спросил. —
Или беду ты какую почуял,
Или приближенье врага услышал?
Отчего на глазах твоих слёзы?
Почему так тревожно землю копытишь,
Серебряную коновязь пригибаешь?..
Бархатно-вороной жеребец,
Голову в небо вскинув, заржал,
Хозяину так ответил:
— Могучий мой господин и друг,
На владенья твои обширные
Чёрные тучи надвигаются,
Твою родовую чёрно-золотую гору
Белые туманы до вершины укутали,—
Опасность к тебе приближается,
Беда над твоей головой нависла!..

© ЛИНТБ СОН

Караты-хан престарелый, вдаль поглядев,
Чужое войско вдали увидел.
К пришельцам безвестным обращаясь,
Жалобно закричал:
— Длиннохвостые жадные волки
Давно стада мои не тревожили,
Чужие воины с длинными пиками
На земле моей давно не показывались!
Видно с чёрными замыслами
В мои владения разбойник нагрянул...
Если ты мужественный богатырь,
Почему ты раньше сюда не приходил,
Когда я молод и могуч был?
Видно меня престарелого
В плен захватить задумал...
Если силён и быстр твой конь,
Почему ты раньше сюда не приехал,
Когда мой бархатно-вороной жеребец
Быстролётным, как ветер, был?
Видно ты, негодяй, решил
Коня моего старого на убой угнать...
Пока седая моя голова
С плеч ослабших моих не свалится,
Пока мой верный старый конь
На гриву собственную не упадет,—
Из последних сил защищаться буду!
Пока мою кровь земля не впитает,
Пока мой конь подо мной ходит —
За себя постою и живым не дамся!
Кольчугу, во многих боях бывавшую,
Караты-хан на себя надел,
Мечом, во многих схватках затупленным,
Караты-хан перепоясался,
Бархатно-вороного коня заседлав,
К встрече с врагом приготовился.
Бобровую шапку на брови надвинув,

Меч булатный из ножен выдернув,
К горе чёрно-золотой поехал.
На вершину чёрной скалы,
Золотыми прожилками изузоренную,
Караты-хан поднялся,
Бобровой шапкой помахав,
К пришельцам обратился:
— Если вы в гости ко мне приехали,
У коновязи моей остановитесь!
Если стада мои захватить жаждете,
Народ мой полонить порешили,—
Прямо мне отвечайте!
Перед войском своим выступив,
Тойбон-хан надменно ему ответил:
— На золотисто-рыжем коне ездящий,
Весь Алтай покоривший,
Я — Тойбон-хан могучий!..
Может быть, схватки не затевая,
В плен добровольно сдашься,
Все владенья свои без боя
В руки мне передашь —
Так и быть, тебя пощажу!..
Караты-хан престарелый разгневался,
Как скала, почернел,
Гневно ответил:
— Глумиться над старым, видать, ты ловок,
Так ли стрелы твои метки,—
Может быть лук свой в руки возьмешь?
Для глупых насмешек неуязвимый,
Может быть, я стрелою тебе отвечу,—
На честный бой выходи!..
Тойбон-хан, спешившись,
Стрелу из колчана выбрав,
Тетиву лука испробовав,
На холм высокий взошёл,
Караты-хану грозно сказал:

© РНТБС

— Как мои насмешки, остра и стрела,
Сейчас ты меткость её увидишь.
Пусть твоя грудь мишенью мне будет!
Караты-хан, рассмеявшись раскатисто,
С коня своего сошёл,
Грудь открыв, на скале уселся,
На врага насмешливо поглядел.
Тойбон-хан нахмурился.
Железный лук свой поставил,
Стрелу, омытую жертвенной кровью,
На тетиву положил.
Утром начав прицеливаться,
На закате солнца стрелу выпустил.
Меж пальцев хана пламя вспыхнуло,
Дымом стрела на лету обволоклась,
В широкую грудь Караты-хана ударилась —
Как от камня отскочила,
Как о скалу ударясь, погнулась...
Караты-хан, раскатисто захохотав,
Невредимым поднялся,
Тойбон-хану весело закричал:
— Ну-ка, теперь садись на скалу и ты,
Пусть твоя грудь мне мишенью будет,
Посмотри, твёрже ль моей она!..
Тойбон-хан, свою грудь открыв,
На высокий камень уселся.
Старый Караты-хан, усмехаясь,
Стрелу, без промаха поражающую,
Из колчана вынул.
Утром начав тетиву натягивать,
На закате стрелу выпустил.
Золотисто-чёрная скала под ним закачалась,
Синие озёра волной всколыхнулись —
Как ветер в ущелье, стрела загудела,
Как молния засверкала,
И в грудь Тойбон-хана вонзилась.

Коричневая кровь Тойбон-хана
Горячим ручьём хлынула...
Тойбон-хан к смерти приготовился.
Девяносто два силача завыли,
Девять зайсанов запричитали.
Тут неожиданно Алтын-Тууди явилась,
С коня своего спрыгнув,
Гневно воскликнула:
— Прославленный старый Караты-хан!
Свалив коня с ног — не гордись,
Сразив богатыря — не радуйся.
Найдется другой конь — сильней прежнего,
Появится другой богатырь,
Способный силой с тобой померяться!
Широкую грудь свою вновь открой —
Меткость моей стрельбы проверь!..
Караты-хан, ее выслушав,
Громко расхохотался,
Издеваясь над нею, ответил:
— До старости мне довелось дожить,
Со многими ханами я воевал,
Со многими богатырями боролся,
С такой же птичкой, как ты,
Не доводилось соперничать,
С такою грозою, как ты,
Не приходилось силою меряться!..
Что ж, доведётся, потехи ради,
Грудь свою пред тобою открыть,
Силу стрелы твоей испытать.
Послушаем, храбрая птичка,
Что после ты запоёшь,
Когда и мой черёд пострелять настанет...
Шубу на груди своей распахнув,
Караты-хан на камень уселся,
Зычным голосом закайларил...
Алтын-Тууди[11], ничего не ответив,

Лук отца своего Еленчи взяла,
Стрелу оперённую выбрала,
Железный лук в колено уперла,
Тетиву до тех пор натягивала,
Пока лопатки ее на спине не сошлись,
Покуда румянцем щёки не запылали,
Пока от пальцев её пар не пошел...
Стрелу свою направляя,
Алтын-Тууди громко сказала:
— Родившие и вскормившие меня отец и мать[12],
Дочь свою не забывайте!
Рука моя, досель иголку державшая,
На железном луке не дрогни,
Пальцы, к напёрстку привыкшие,
На тетиве боевой не слабейте!..
Утром начав тетиву оттягивать,
Стрелу лишь вечером выпустила.
Из глаз Алтын-Тууди молнии вылетели,
От пальцев ее дым заклубился,
Когда стрела полетела.
Земля и небо заколебались,
Вершины гор высоких осыпались,
Когда стрела загудела.
Железной молнией пролетев,
Грудь Караты-хана стрела пронзила,
Как лунный луч сквозь него, прошла.
Чёрная кровь Караты-хана
Широким озером растеклась...
Тело бездыханное Караты-хана
Среди долины горой легло.
Чёрная гора с золотыми прожилками
Пополам раскололась.
Чёрное озеро у её подножья
Наполовину высохло.
Листва зелёных лесов,
Будто инеем прихваченная, поблекла.

Птицы гнездовья свои покинули,
Звери, детенышей бросив, в тайгу удалились.
Разномастные стада Караты-хана
С пастбищ в разные стороны разбрелись.
Разноязыкие племена Караты-хана,
Будто рои, со стойбищ снимаясь,
В разные края земли удалились.
Удивлённая Алтын-Тууди
Вослед беглецам глядела.
Вдруг она голос коня своего услышала:
— Э-ей, могучая Алтын-Тууди,
Остерегись и вверх погляди,
Опасность тебе с высоты грозит!..
К небу глаза свои обратив,
Алтын-Тууди увидела —
Бархатно-вороной конь Караты-хана,
Чёрным вороном обернувшись,
Клюв на нее нацелив,
Подобно молнии низвергается,
Чтоб в грудь ей когтями впиться...
Тёмногнедой её конь,
В чёрного сокола превратившись,
За чёрным вороном гонится,
Не может его настигнуть...
Алтын-Тууди тетиву лука натянула,
Стрелу в высоту выпустила,
Чёрному ворону под крыло
Стрела калёная угодила,
Чёрным камнем ворон на землю пал,
О железную гору ударившись,
В труп коня превратился,
Рядом с Караты-ханом лежит...
Так престарелый Караты-хан,
Рукав под голову положив, умер.
Так бархатно-вороной его конь,
Гриву свою под себя подстелив, подох...

© ГПНТБ СО АН

Девяносто два стражника Тойбон-хана,
Девять его одноликих зайсанов,
Всё войско хана многочисленное,
Подвиг Алтын-Тууди увидев,
В страхе наутёк кинулись.
Через девять гор перевалив,
Девять долин перебежав,
Еле-еле дух перевели.
Алтын-Тууди насмешливо
К убегающим обратилась:
— Э-ей, вы, вояки храбрые,
Силачи с сердцами куриными,
Что ж вы хана своего сражённого
В беде бросаете,
Раненого его в чужой земле покидаете?!
Устрашавший вас Караты-хан
Бездыханный лежит,
Крылатый его конь подох,
Чего же вы испугались,
От кого укрыться спешите?!
Тойбон-хана своего подберите,
На попечение ханши его увезите,
Как гордые победители
На стойбище своё возвращайтесь!..
Когда девяносто два стражника,
Девять зайсанов напуганных
Робко к Алтын-Тууди приблизились,
Как от яркого солнца жмурясь,
Она им сказала:
— Если стада побеждённого вам нужны —
Лучшие выбирайте,
Если своих богатств вам не хватает —
Имущество Караты-хана берите.
Мне самой ничего не нужно,
С чем я сюда приехала,
С тем и домой вернусь...

С родителями моими милыми
Не терпится мне повидаться,
Сестёр моих нежных и юных
Хочется скорей обнять,
На землю родную я поспешу!
На коня гнедого своего вскочив,
Алтын-Тууди, как птица улетела,
Как облачко вдалеке растаяла...

———

Однажды в юрте старого Еленчи
Бронзовый таган сам собой зазвенел[13],
В остывшем очаге зола завихрилась.
— Э-э,— старик Еленчи сказал,—
Это доброе предзнаменованье.
Наверное мой гнедой иноходец
Благополучно домой возвращается,
Должно быть дочь моя Алтын-Тууди
Живой-здоровой домой едет.
Раз таган сам собой зазвенел,
Раз в очаге зола завихрилась,—
Надо огонь разжечь,
На таган котел наш ставить.
Жена моя Ай-Тана, угощенья готовь!..
Еще немного времени прошло —
Теплый дождь в дымоход закапал,
Горячий ветер в двери ворвался.
— Это пот моего коня закапал,
Его дыхание горячее до меня доносится,—
Так Еленчи сказал.
Ладонь к глазам прислоня,
Вдаль Еленчи поглядел.
Подобно летящей мошке конь вдали показался,
Тоньше волоса конского
Всадник вдалеке показался.

Из-под чёрных копыт коня
Яркое пламя взвивалось.
Еленчи глазом не успел моргнуть,
Слова не успел вымолвить —
Вещий тёмногнедой конь
У коновязи очутился,
Милая дочь Алтын-Тууди,
Спрыгнув с коня, к отцу подбежала.
— Мое золотое дитя! —
Старик Еленчи закричал. —
Свет, угасающий в моих глазах,
Ты вновь воспламенила,
Сердце моё слабеющее
Ты вновь заставила биться молодо.
В бедном моём жилище
Огонь теперь никогда не угаснет,
Старость моя всегда под защитой будет!
От радости плача, он дочь обнял,
В щёки розовые её расцеловал.
Мать и сёстры из юрты выбежали,
К Алтын-Тууди с плачем кинулись.
Как обласкать — не знали,
Под руки взяв её, в юрту повели.
Старая мать Ай-Тана
Стала едой её угощать,
Сёстры её молоком запоили.
Вся семья, как в праздник, веселилась.
Бедное жилище старого Еленчи,
Будто солнышком осветилось.
Когда усталый конь от пота просох,
Еленчи на пастбище его отпустил.
Когда Алтын-Тууди обо всем рассказала,
Мать и сёстры на мягкой постели
Спать её уложили...

———

Алчный и злой Тойбон-хан,
Хотя и при смерти был,
О добыче думы не оставил.
Девяносто два его силача свирепых,
Девять зайсанов его алчных
Стада Караты-хана пригнали,
Народ его полонили,
Владения Караты-хана разграбили,
Воинов его перебили,
Плачущих женщин и малых детей
На арканах за собой привели,
Стойбище Караты-хана дотла сожгли. .
Тойбон-хан, от раны выздоровев,
Богатства свои умножив,
Той за тоем устраивал[14],
Гордясь победой своей, веселился.
Однако дума об Алтын-Тууди
Его и в веселье не покидала.
Когда об Алтын-Тууди он думал —
Мрачнее тучи становился.
«Если с этой Алтын-Тууди я не справлюсь —
Вечно она мне помехой будет,
Пока я её не погублю,
Не знать мне покоя и счастья»,—
Так Тойбон-хан размышлял.
Голову на подушки приклонит —
Бессонница его мучает,
Чашку с пищей в руки берет —
Костью в горле кусок застревает...
Как Алтын-Тууди погубить —
Много способов он придумывал,
На одном остановился.
Алтын-Тууди немедля решил призвать,
Двух старых ястребов быстрокрылых,
У дымохода юрты сидевших,
С письмом на стойбище Еленчи отправил.

© ГПНТБ СО

«Уважаемая Алтын-Тууди,
Когда ты это письмо получишь,
Коня своего покрепче заседлай,
Свои боевые доспехи надень,
К моему порогу немедля скачи!» —
Так в письме том было написано...

В дымоход жилища старого Еленчи
Серые ястребы письмо опустили,
Взвившись снова за облака,
В этот же миг к Тойбон-хану вернулись.
Алтын-Тууди, письмо прочитав,
К отцу и матери за советом обратилась:
— Грудью вскормившая меня мать,
Мудро меня воспитавший отец,
Как поступить мне,— посоветуйте,
Что делать мне,— научите.
Не с добрым умыслом Тойбон-хан
Меня к порогу своему призывает,
Чёрные мысли в душе таит...
Бороду седую свою погладив,
Дочери юной старик Еленчи ответил:
— Не вольной птицей ты родилась,
В юрте ханского пастуха росла,
Во власти хана жить будешь...
Добро ли, худо ли тебя ожидает,
Надо приказ исполнить,
В ханский дворец явиться...
Старая Ай-Тана, слёзы украдкой вытерев,
Ласково дочери отвечала:
— Тёмные замыслы, злые козни
Пусть тебя не касаются,
Самые сильные богатыри
Пусть тебя не осилят —
В добрый путь тебя благословляю...

Л—2

Алтын-Тууди, ничего не сказав,
С ремённой уздой из жилища вышла,
По коновязи уздой ударила.
Верный тёмногнедой конь
Издалека её зов услышал,
Издалека как стрела прилетел,
У коновязи как вкопанный встал.
Грива шёлковая земли касается,
Шерсть золотистая на боках лоснится,
Мышцы под тонкой кожей играют.
Алтын-Тууди, коня заседлав,
Отцовскую кольчугу на себя надела,
Отцовским мечом перепоясалась,
Старых родителей обняла,
С милыми сёстрами расцеловалась,
В лунообразное седло вскочив,
Как вихрь золотой умчалась,
Как облачко вдалеке растаяла...

Зеленой травы копытами не касаясь,
Плавной иноходью летел,
Молодых деревьев не приминая,
Конь не бежал, а плыл.
Кисти шёлковые одежд Алтын-Тууди
По ветру струились,
Конской сбруи золотые кисти,
Как солнечные лучи, сверкали.
Алтын-Тууди запела —
Звери и птицы заслушались.
Голос её услышав,
Цветы и деревья ей кланялись...
Конь ещё кровь разогреть не успел,
Паха его ещё не запотели,
Алтын-Тууди ещё песни своей не допела,
С мыслями не собралась,

© ГПНТБ СО АН

Как в ханские владенья прилетела.
Топот гулких копыт заслышав,
Звонкий голос девичий узнав,
Тойбон-хан с богатого ложа спрыгнул,
Двустворчатую дверь распахнув,
Из юрты своей выбежал.
При виде Алтын-Тууди
Колени у него задрожали,
Язык, заплетаясь, слова вымолвить не мог...
Алтын-Тууди, сурово на хана глянув,
Не спешиваясь, спросила:
— Не волки ль на ваши стада напали,
Не пожар ли у вас возник,
Не половодьем ли ваше жилище залило,
Не войско ль чужое на вас напало, —
Зачем вы меня призвали,
Зачем приехать мне повелели?..
Тойбон-хан, от страха оправившись,
В глазах своих злобу спрятав,
Льстивым голосом вымолвил:
— От верной смерти меня избавившая,
Из тяжкой беды вызволившая,
Прекрасная дочь Еленчи,
На помощь тебя я сюда позвал,
Большую просьбу к тебе имею...
К моим бессчётным стадам
Новых мастей стада прибавились,
К моим многочисленным племенам
Новые племена присоединились.
По этому случаю я решил
Весь народ свой на той созвать,
Вместе со всем народом
Доброго бога поблагодарить,
Щедрые жертвы ему принести.
Для этого я хочу сюда пригласить
Самого знаменитого из шаманов,

Самого могущественного из камов[15].
За семью горами высокими,
За семью морями глубокими,
В медном своём жилище
Старейшая шаманка Ак-Шажнай обитает.
Чтобы за нею послать,
Из девяносто двух своих силачей,
Из девяти моих верных зайсанов
Достойного я не мог выбрать,
Среди моих верных подданных
Для такого почётного поручения
Достойней тебя человека нет.
Прекрасная Алтын-Тууди!
Если моё поручение выполнишь,
Богато и щедро тебя одарю,
Милостями осыплю —
Над половиной моего народа властвуй
Половиной скота моего владей!
Алтын-Тууди, речь хана выслушав,
Взглядом его не удостоив,
Твёрдым голосом ответила:
— Выпущенной стреле нет пути назад,
Посланному ханом дорога назад заказана,
Воле хана противиться бесполезно,
Видно придётся ехать...
Больше слова не вымолвив,
Алтын-Тууди коня повернула,
Как стрела, с тетивы спущенная,
Над землёй взвилась,
Как ласточка улетела...

Коню не давая выстойки и передышки,
Сама ноги из стремени не вынимая,
Днём и ночью Алтын-Тууди ехала,

© РНТБ СО

Вперёд и вперёд стремилась.
Через бесчисленные моря и реки
С песней она переплывала,
Через вершины подоблачных гор,
Распевая звонко, перевалила.
С тёмногнедого коня
Непересыхающими ручьями пот льётся,
Сама Алтын-Тууди от устали
Еле в седле держится,
Однако вперёд и вперёд стремится.
Через степи, каких и птица не перелетит,
Она, как вихрь, промчалась,
Через пустыни, где ветер от устали никнет,
Она, подобно лучу, летела.
На неизвестной пустынной земле
Конь вдруг как вкопанный остановился.
Правое ухо вдаль наведя,
Левым ухом к земле прислушиваясь,
Конь неподвижно замер,
С места не хочет сдвинуться.
Алтын-Тууди, с коня соскочив,
На правое колено перед ним встала,
Пышную гриву его погладила,
Тревожно и ласково спросила:
— Днём мои крылья быстрые,
Ночью мой верный друг,
Почему ты остановился?
Или силы тебя оставили,
Дальше бежать не можешь?
Или беду какую почуял,
Непреодолимую преграду увидел?
Иль впереди нас опасность ждёт?
Всю правду мне, друг, поведай,
Ничего от меня не утаивай!..
Тёмногнедой её друг
Печальным ржаньем ей отвечал:

© ГПНТБ СО РАН

— Силы меня не покинули —
На долгий путь их достаточно,
Дорогу вперед я знаю,
Да надо ли дальше ехать?
Земель старой шаманки достигли мы,
В её владения въехали.
Не любит шаманка земных людей,
Людского духа не терпит.
Много могучих богатырей
Встретиться с нею желало —
Многие кони здесь полегли,
Гривы под головы подстилая,
Многие богатыри на этой земле,
Рукавами накрывшись, умерли.
Много следов вперёд пролегло,
В обратный путь ни одного не видно.
Вперёд дорога для всех открыта,
Возврата ни для кого нет.
Надо ль нам путь продолжать?..
Тёмный замысел Тойбон-хана
Алтын-Тууди теперь разгадала,
Злые козни его поняла,—
На верную гибель её посылая,
Хан ей к смерти путь указал.
Но духом Алтын-Тууди не пала,
Верному другу — коню ответила:
— Верный мой конь, унывать не будем,
Мыслям печальным не поддадимся!
В мудрость и силу твою я верю,
На мою отвагу ты положись,—
Будь, что будет — вперёд поедем!..
В седло Алтын-Тууди вскочила,
Верный конь её молнией взвился,
Быстрее, чем прежде, вперёд полетел,
Скорее вдесятеро помчался,
Как птица над горным хребтом вспарил,

На вершину белой горы поднялся,
Под белым облаком остановился.
Небо синее заслоняя,
Медная гора впереди стоит —
Орлу взлететь на неё не под силу,
Так она высока...
Конь Алтын-Тууди говорит:
— Вот мы цели нашей достигли —
В этой высокой медной горе
Её хозяйка Ак-Шажнай проживает.
Дверь в жилище её
Тебе не легко открыть будет.
Чтоб голос знаменитой шаманки услышать,
Придётся жизнью своей рисковать,
Гнева старейшей шаманки
Всё живое страшится...
Алтын-Тууди на это ответила:
— Пока внутрь медной горы не пройду,
Пока Ак-Шажнай не увижу —
Назад коня своего не поверну,
О стойбище своём не вспомню,
От своего не отступлюсь,
Рука и сердце моё не дрогнут...
Будь, что будет — вперёд поедем!
Конь, слова её выслушав,
Твердость сердца её увидев,
Алтын-Тууди так сказал:
— Если с грозной шаманкой встретишься —
На ум и храбрость твою надеюсь,
Если беда с тобой приключится —
На силу и хитрость мою положись.
В белую муху ты превратись,
К медной горе лети,
Тайную дверь отыскивай.
Белой звездой я стану,
С неба следить за тобою буду.

© РНТБ СО

Если помощь тебе понадобится,
Мигом к тебе спущусь...
Так промолвивши, вещий конь
На землю лёг, покатался,
В звезду лучистую превратившись,
В синее небо взвился,
Звездой в высоте засиял.
Совету вещего друга следуя,
Алтын-Тууди на траву опустилась,
По лугу цветущему покаталась,
Белой мухой взлетела.
Золотыми крылышками зазвенев,
К медной горе устремилась.
С цветка на цветок перепархивая,
Вокруг медной горы полетела.
В чашечках цветов отдыхала,
Жажду свою утоляя,
Душистый и сладкий нектар пила.
Долго вокруг медной горы летала
В поисках безуспешных —
Отверстия, куда бы игла прошла,
В горе она не приметила,
Щелки, куда б острие ножа
Можно было бы втиснуть,
В медной горе не нашла,
Тайной двери не обнаружила...
В поисках притомившись,
В венчик цветка укрывшись, заснула.
Вдруг сквозь сон услышала —
Медная гора загудела,
Земля и небо вздрогнули,
Озёра и реки заволновались.
Алтын-Тууди пробудилась.
На западном склоне медной горы
Тяжёлая дверь отворилась.
Косы чёрные по земле волоча,

Ак-Шажнай из горы вышла.
На полуденное солнце глянув,
На колени она опустилась,
Молитву шаманскую забормотала.
Алтын-Тууди в это время
В открытую дверь впорхнула,
В жилище шаманки проникла.
О медную стену ударившись,
Вид человеческий обрела,
Возле медного бубна шаманки встала,
Доступ к нему загородила.
Ак-Шажнай, моление кончив,
В жилище своё вошла,
Алтын-Тууди перед бубном своим увидев,
Вниз лицом повалилась.
У очага своего лежит,
От удивленья и страха дрожит,
Слова вымолвить не в силах...
Лица от пола не отнимая,
Шаманка еле-еле выговорила:
— Видно боги на меня прогневались,
Земля и небо от меня отступились.
Видно могущественней меня
От мудрой женщины богатырь родился.
Видно сильнее меня на Алтае
От могучего богатыря человек родился,
Если в жилище моё проник,
Доступ к вещему бубну
Мне преградил.
Превосходство твоё над собой признаю,
Смелости твоей покоряюсь,
Чего от меня ты хочешь?
Если жилище тебе моё надо —
Всем, что есть в нём,— владей!..
Так бормоча, Ак-Шажнай
Ниц перед Алтын-Тууди лежала,

© РНТБ СО

Как кожа на бубен слабо натянутая,
Всем телом дрожала...
Алтын-Тууди сказала:
— Знаменитая Ак-Шажнай,
На вашу жизнь я не покушаюсь,
Богатства ваши мне не нужны.
С поручением Тойбон-хана
К вам я приехала,
Его наказ выполняю.
Стада свои приумножив,
К народу новые племена присоединив,
Тойбон-хан прославленный
Жертвы богам принести решил,
Для камлания вас привести велел —
За этим меня послал...
Ак-Шажнай, слова эти выслушав,
Голову приподняла,
Зубами стуча, промолвила:
— По землям Алтая я не хожу,
Перед народом я никогда не камлаю,
Весь век свой в уединенье живу.
Я — хозяйка этой медной горы,
Никогда жилища своего я не покидала,
Никому из людей не показывалась.
Но раз ты в жилище моё проникла,
От бубна вещего меня отгородила,
Придётся мне покориться,
Волю хана твоего исполнить.
Тойбон-хану согласие моё передай.
В знак моего согласия
Колокольчик медный от моего бубна
Тойбон-хану вручи,—
Когда позовёт — явлюсь...
Колокольчик медный маленький
В шёлковый платок завернув,
Шаманка Алтын-Тууди вручила,

Низко ей поклонилась.
В это время звезда белая
С неба высокого опустилась,
О медный порог ударившись,
Тёмногнедым конем стала.
Из ноздрей коня — синее пламя,
От копыт его — золотые искры.
Радостно конь заржал,
Шаманка от страха опять свалилась.
Алтын-Тууди друга верного
По золотистой шерсти погладила,
Гриву шёлковую расчесала,
Подпруги ремённые подтянула,
Повода золотые выравняла,
На бронзовое стремя встав,
В седло позолоченное вскочила.
С шаманкой больше не разговаривая,
В обратный путь устремилась.
Из-под копыт коня голубое пламя брызнуло,
Грива шёлковая коня,
Как река, по ветру струится.
Там, где только что конь стоял,—
Глубокие следы остались.
Там, где конь быстролётный промчался,—
На земле следов не заметно...

Через безбрежное море синее,
Хвоста своего не замочив,
Конь тёмногнедой перелетел.
Через высокие горы синие,
Копытами их не коснувшись,
Конь Алтын-Тууди перевалил.
Пот на коне не просыхал,
Глаз не смыкая, Алтын-Тууди ехала.
Стойбища Тойбон-хана достигнув,

© НТБ СО

Перед шестидесятиугольной юртой остановилась,
С коня не сходя, громко крикнула:
— Э-ей, всемилостивый Тойбон-хан,
Ваше веление я исполнила,
От знаменитой шаманки Ак-Шажнай
Подарок вам привезла.
Через шесть дней она сама быть обещалась..
Тойбон-хан, голос девушки услышав,
Из белой юрты нехотя вышел.
Увидев Алтын-Тууди живой, невредимой,
Как земля, лицом почернел,
Со злобой и страхом подумал:
«Видно с этой Алтын-Тууди
Не так-то легко разделаться,
Не так-то легко её погубить...»
Колокольчик маленький медный,
Платочком синим обёрнутый,
Тойбон-хан с опаскою в руки взял,
Слова не вымолвил.
Алтын-Тууди от себя добавила:
— Старая Ак-Шажнай передать наказала:
Если вы Алтай возвеличить хотите,
Быть богатым и славным желаете,
Щедрые жертвы готовьте —
Семьдесят двухгодовалых коней,
Одних кровей, одинаковой масти,
В резвости, силе и стати равных,
Для жертвоприношения подберите...
Так сказав, Алтын-Тууди
К стойбищу своему коня повернула,
Ремённой плетью взмахнув,
Мгновенно из виду скрылась...

Мрачный, озлобленный Тойбон-хан,
Хмуро вослед Алтын-Тууди поглядев,

В белую юрту вошел.
Подарок знаменитой шаманки —
Колокольчик маленький медный,
Дымком можжевельниковым обкурил,
В белый шёлк его завернул,
На золотой стол положил,
Сам на ложе прилёг отдохнуть...
Только-только успел задремать —
От страха с ложа свалился,
От страшного грома оглох.
Маленький медный колокольчик,
Белым шёлком обёрнутый,
Вдруг как гром загремел,
Как железо загрохотал,
Набатом гулким жильё заполнил...
Хан растерянный завопил,
Голоса своего не слышит.
К колокольчику медному кинулся,
Хотел ладонью его накрыть,
Руку как молнией обожгло,
Как лихорадка его затрясла.
Себя не помня, хан на улицу выскочил.
За ним и ханша Алтын-Чачак
С диким воплем выбежала,
В страхе слуги хана рассыпались,
Девяносто два его стражника,
Девять зайсанов его одноликих
Со стойбища прочь кинулись...
Три дня и три ночи колокольчик гремел.
Хан в жилище своё входить не смел,
Слуги к юрте боялись приблизиться.
Из девяносто двух силачей,
Из девяти зайсанов его одноликих
Ни один через порог переступить не насмелился,
Колокольчик в руки взять не решился.
Три дня и три ночи оглохший хан,

© ГПНТБ СО АН

Уши заткнув, на земле лежал.
На четвертый день, опамятовавшись,
Позвать на помощь Алтын-Тууди решил.
Двух серых коршунов обученных
С письмом-наказом Алтын-Тууди
На стойбище Еленчи послал...

Алтын-Тууди отдохнуть ещё не успела,
Тёмногнедой её конь не отгулялся,
Отец и мать на дочку не нагляделись,
Сёстры с нею не наговорились —
Тойбон-хан к себе её призывает,
Немедля явиться к нему велит.
Со слезами мать её провожала,
Старик Еленчи в дорогу благословил,
Милые сёстры разлуку оплакали.
Ни разу в дороге не спешившись,
Коню не давая роздыха,
Алтын-Тууди на стойбище хана приехала,
С коня не сходя, спросила:
— Хан, управляющий мною,
Зачем я вам снова понадобилась?
Какое дело у вас ко мне?
Зачем, отдохнуть не дав мне, призвали?..
Грозный с подданными Тойбон-хан,
Надменная ханша Алтын-Чачак,
Девяносто два силача хвастливых,
Девять зайсанов лукавоглазых
Перед Алтын-Тууди на колени пали,
В один голос униженно завопили,
Жалобно все взмолились:
— Ой-ей, прекрасная Алтын-Тууди,
Какое ты чудо сюда привезла,
Зачем ты беду накликала?..
Медный колокольчик этот,

Всех оглушив, день и ночь гремит,
Покоя всё ханство лишает.
Рукою нельзя до него дотронуться —
Лихорадкой трясёт,
Как молния обжигает...
Теперь на тебя лишь одну надежда,
Может ты от беды избавишь,
Покой, тишину вернёшь,
Колокольчик этот неумолкающий
Куда-нибудь от нас уберёшь,
Умолкнуть его заставишь?..
Мягкосердечная Алтын-Тууди,
Вопли выслушав, рассердилась,
От гнева жаркого разрумянилась,
Глазами гневно сверкнув, ответила:
— Э-е, всесильный Тойбон-хан,
Видно одна я всегда в ответе —
Если б воли вашей не выполнила,
Вы бы нещадно со мною расправились.
Наказ ваш я честно исполнила,
Но и за это должна расплачиваться...
Если колокольчика медного,
Величиною с мизинец ребёнка,
Все так испугались,
Как же грозную Ак-Шажнай
Сюда призывать насмелились?
Если её колокольчик маленький
В такое смятение вас поверг,
Как же выдержали бы вы
Камланье хозяйки медной горы,
Гор и лесов владычицы?..
Раз ни у хана, ни у зайсанов
Силы и воли, видать, не хватает,
Придётся мне, девушке бедной,
Всю беду на себя принять,
Если надо — собой пожертвовать!..

© ГНТБ СО РАН

Больше ни слова не вымолвив,
Алтын-Тууди спешилась,
Дверь двустворчатую распахнув,
Смело в ханскую юрту вошла.
Когда она с колокольчиком вернулась,
Руки её, задымившись, обуглились,
Тело её с головы до пят
Судороги сводили,
Дрожь смертельная сотрясала.
Всю силу и волю свою собрав,
Алтын-Тууди, размахнувшись,
Колокольчик в небо высоко закинула.
Достигнув белой высокой тучи,
Колокольчик громом железным грянул,
Красной молнией засверкал.
На землю ливень горячий хлынул.
Но быстро гроза утихла,
Небо синее прояснилось,
Тишина на Алтай сошла...
Алтын-Тууди, обессиленная,
Еле-еле в седло уселась,
Слов благодарных не выслушав,
К родному стойбищу поспешила...

Недолго завистливый Тойбон-хан
Покою беспечному предавался,
Вином и весельем себя потешал,—
Чёрные мысли его томили,
Тёмная злоба сердце точила:
«Эта девчонка Алтын-Тууди
Рабою покорной моей не станет,
А будет на свете жить —
Вечная мне угроза,
Когда-нибудь будет помехой,
Может воле моей воспротивиться.

Лучше сейчас от нее избавиться,
Чем всегда в беспокойстве жить.
Надо куда-то её отправить,
Откуда б не было ей возврата»,—
Так Тойбон-хан подумал,
Стражников своих верноподданных,
Зайсанов хитрых и льстивых,
На тайный совет созвал,
Вместе с ними для Алтын-Тууди
Новые козни замыслил.
На стойбище старого Еленчи
Два ястреба серокрылых
Послание ханское унесли,
Полное льстивых слов,
Лживых ханских посулов...

Вновь, не успев отдохнуть,
С родною семьёй пожить в покое,
Коню своему не дав отгуляться,
Алтын-Тууди послушно
На зов Тойбон-хана явилась,
С коня не сходя, сердито спросила:
— Прославленный Тойбон-хан,
Зачем коня моего выстойки лишили,
По какому делу меня призвали?..
Тойбон-хан навстречу ей выбежал,
Притворно сладким голосом ответил:
— Прекрасная Алтын-Тууди,
Не с чёрным умыслом я тебя позвал,
Хочу поддержки твоей просить,
Из несчастья меня выручить...
Шесть лет подряд в стадах моих
Старые коровы остаются яловыми,
Молодые коровы — нетелями.

© ГПНТБ СО АН

Шесть лет, как мы молока не видим,
Шесть лет на пастбищах приплода нет...
Шесть лет назад, во время перекочёвки,
На берегу синего моря
Синий бычок, обезножив, остался,
Был пастухами моими брошен.
Если он ныне жив,
Наверно окреп и вырос.
Вот бы его к стадам моим привести,
Будет у нас и приплод обильный,
И молоко рекою польётся...
Чтоб за синим быком поехать,
Из девяносто двух моих стражников,
Из девяти зайсанов моих
Ни одного отважного не нашлось,
В народе достойных не отыскалось.
Теперь на тебя лишь одну надежда —
Нет в моём ханстве храбрее тебя,
Нет среди подданных мудрее тебя —
На тебя мой падает выбор...
Если моё поручение выполнишь,
На весь Алтай я тебя прославлю,
Богатый подарок тебе поднесу,
Больше ничем беспокоить не буду!..
Льстивую речь Тойбон-хана выслушав,
Алтын-Тууди нахмурилась,
Гневным румянцем лицо вспыхнуло,
Алые губы она прикусила,
Сквозь зубы стиснутые сказала:
— Ханского слова не смею ослушаться.
Выпущенная стрела не боится цели,
Посланец, не выполнив порученья,
Назад возвращаться не должен...
Видно, мне доведётся ехать,
Волю хана своего исполнить...
Так ответив, Алтын-Тууди

Коня своего повернула,
Плетью ремённой взмахнув,
Как ветер, вдаль полетела,
Следов за собой не оставив...

Стремительней выпущенной стрелы,
Быстрее сказанного слова,
К синему морю Алтын-Тууди летела,
Дни без попутчика ехала,
Ночи без сна в седле проводила...
На половине назначенного пути
Верный конь бег оборвал,
По брюхо в землю уйдя,
Как вкопанный остановился.
Правое ухо он в небо уставил,
Левым ухом землю выслушивал.
Алтын-Тууди к коню обратилась:
— Неутомимый и резвый мой конь,
Мощные крылья мои в пути,
Верный мой друг на привале,
Что случилось с тобою, скажи мне,
Беду ли какую чуешь,
Доброе ль предзнаменованье видишь?..
Конь тёмногнедой ответил:
— Опасностей впереди немало,
О том, как преодолеть их, думаю...
Тойбон-хан, в путь тебя провожая,
Неправду тебе сказал:
Синий бычок никогда ему не принадлежал,
Коровьего вымени синий бык не сосал,
Ни одна людская рука его не касалась...
Синий бык — владыка синего моря.
Гнев его буре морской подобен,
Голос его рёва урагана громче,
Силу его не с чем сравнить...

© ИНТБС СО РАН

Ни один из ханов Алтая
Силой меряться с ним не осмеливался,
Ни один из живущих на свете людей
Приближаться к нему не рисковал.
Следы богатырей, сюда ехавших,
Кое-где на земле видны,
Следов возвращения их не заметно...
Как же мы с тобою вдвоём
Синего быка одолеем,
Как с владыкой синего моря справимся?..
Алтын-Тууди, не колеблясь, ответила:
— Крылья мои, мой всеведущий друг,
Духом падать нам непристало,
В выборе дороги колебаться не следует...
На мудрость и силу твою полагаюсь,
На ловкость и храбрость мою надейся!
Если погибнуть нам здесь суждено,
Рядом костьми поляжем.
Если силы наши вместе сольём,
Любое препятствие одолеем!..
Так сказав, Алтын-Тууди
Плетью коня чуть тронула,
С горного перевала
На берег синего моря выехала.
Хозяин синего моря — синий бык
Издалека приближенье её почуял.
Мычанье его могучее
Землю и небо потрясло.
Вспенив бурей синее море,
Синий бык на берег выбежал,
Земля под его копытами
Ходуном заходила,
Скалы окрест в песок превратились...
На правом роге властелина моря
Шестьдесят человечьих скелетов нанизано,
На левом — шестьдесят конских скелетов,

Из глаз его синее пламя исходит,
С губ его пена хлопьями ниспадает.
Могучим копытом камни дробя,
Синий бык на пришельцев исподлобья глядел,
К страшному прыжку приготовился...
Вещий конь Алтын-Тууди,
Владыку синего моря увидев,
Всаднице велел спешиться,
Сам на землю упал, покатался,
В красного быка превратился,
Рогами землю бороздя,
Навстречу синему быку ринулся.
Со страшным рёвом они друг на друга кинулись.
Когда их могучие лбы сшиблись,
Гулкий гром загремел,
Когда их рога сплелись,
Красные и синие молнии взвились,
Искры вихрями закружились.
Леса окружающие повалились наземь,
Горы окрест взлетели обломками...
Семь дней и ночей бой быков длился,
Ни тот, ни другой не уступал.
Девять дней и ночей поединок шел,
Ни тот, ни другой не ослабевал,
Глубокие ямы копытами вырыты,
Земля взметённая клубилась тучами.
Алтын-Тууди с высокой горы,
За боем гигантов-быков наблюдая,
Исхода их поединка ждала...
На десятый день
Голос красного быка до неё донесся:
— Милая Алтын-Тууди,
Почему ты на бой безучастно смотришь,
Средств соперника моего одолеть
Почему не ищешь?..
Силы мои уже истощаются,

© ГПИНТБ СО АН

Против врага своего я не выстою,
Одержать победу над ним не смогу.
Скорее на помощь мне поспеши!..
Алтын-Тууди, этот призыв услышав,
На место боя быков поспешила.
Красным платком перед синим быком помахав,
К болоту глубокому его отманила.
В ярости синий бык
За нею в трясину прыгнул,
Задними ногами в тине увяз,
Передними копытами о твердую землю бьёт,
Из трясины вылезть не может.
Красный могучий бык,
Рогами своими длинными
Слева в ребра врага ударил,
Правый бок ему пропорол...
Синий бык, изнемогая,
Жалобно замычал,
По-человечьи к Алтын-Тууди обратился:
— С красным этим быком —
Хозяином твердой земли,
Силы мои равны,
Один на один я с ним бы управился.
Когда человек в поединок вмешался,
Против двоих мне не устоять...
Кто ты такая, скорей скажи,
Ловко меня перехитрившая,
В топь меня заманившая?..
Среди живущих на свете ханов
Такого смелого я не знаю,
Среди самых сильных богатырей
Такого находчивого не видел.
Вижу с тобою мне не справиться,
Смелость и мудрость твою признаю,
Готов тебе покориться...
Если меня погубить явилась,

Зря не мучай меня — приканчивай!
Если мной завладеть решила,
Зря мои силы не выматывай,
Из этой трясины вызволи...
Алтын-Тууди, к нему подойдя,
Без злобы и спеси ему ответила:
— К ханской кости я не принадлежу,
Богатырём себя не считаю,
В жилище бедного пастуха
Я родилась и выросла,
На чужую жизнь и чужие богатства
Отец меня посягать не учил,
Мать меня злым умыслам
Никогда не наставляла.
Наказ Тойбон-хана прославленного
Должна я выполнить...
Коровы богатого Тойбон-хана
Шесть лет гуляют нестельными,
Нетели в стадах хана
Шесть лет не дают приплода.
Тебя привести мне приказано,
В стада Тойбон-хана пустить...
Только затем я сюда и приехала...
Владыка синего моря
Синий бык ей горько сказал:
— Если уж ты меня победила,
Тойбон-хана тебе не стоило б слушать,
С любым из ханов могла б поспорить...
Я — хозяин синего моря,
По земле ходить мне не пристало,
Быть быком для простых коров
Мне обидно и унизительно.
Однако ж силу и власть твою признаю,
Делать нечего — подчиняюсь.
Придется мне за тобою следовать...
Шестидесятисаженный аркан

© ЛИТБСОЮЗ

Алтын-Тууди к рогам его привязала,
С помощью красного быка
Его из трясины вытянула.
Красный бык, по земле покатавшись,
Вновь конем тёмногнедым стал.
Алтын-Тууди на коня вскочила,
Синий бык покорно рядом побежал,
Арканом к луке седла привязанный.
Через высокие горы
Они, как птицы, перелетели,
Через бескрайние степи,
Подобно вихрю, промчались.
Когда владений Тойбон-хана достигли,
Синий бык во весь свой голос заревел,
Так, что свет содрогнулся,
Земля заколебалась.
Оглушенные этим рёвом,
Люди в испуге стойбища покидали,
Скот с тебеневок разбежался[16].
Когда Тойбон-хан этот рёв услышал,
Как иглы, волосы у него поднялись от ужаса,
Сердце меньше воробьиного стало,
От испуга он памяти лишился,
Под многокошмовое ложе свое забившись,
Замертво он лежал...
Алтын-Тууди, на стойбище хана приехав,
Шесть раз аркан вокруг столба обмотав,
Ревущего синего быка
К бронзовой коновязи привязала.
Сколько хана ни дозывалась,
Никто из юрты не показался,
Ни звука оттуда не последовало.
Вскочив на коня своего,
Алтын-Тууди на родное стойбище поспешила...

Три дня и три ночи Тойбон-хан,
От рёва синего быка содрогаясь,
Под своей лежанкой таился.
Девяносто два его стражника,
Девять зайсанов его одноликих
Нивесть куда запропастились[17],
Ханша Алтын-Чачак, в подушки зарывшись,
Носа высунуть не осмеливалась...
Тойбон-хан, под кроватью лежа,
Послание Алтын-Тууди написал.
Серых ястребов своих подманив,
Велел им немедля письмо доставить...
Алтын-Тууди разгневанная
В юрту Тойбон-хана явилась.
Под кошмами Тойбон-хана найдя,
Сердито его спросила:
— Прославленный Тойбон-хан,
Зачем вы меня позвали,
Не дав отдохнуть мне, опять тревожите?..
Из-под ложа своего Тойбон-хан
Жалобным голосом взмолился:
— Милая моя Алтын-Тууди,
Какое чудовище ты ко мне привела
Вместо бычка моего синего?
День и ночь этот дьявол ревёт,
Земля и небо гремят,
У меня в ушах перепонки лопаются.
Весь мой народ со стойбищ сбежал,
Стада мои тебеневки покинули,
Слуги мои запропастились...
Не того бычка ты сюда привела!
Больше терпеть я не в силах,
Сама этого чёрта сюда привела,
Сама и избавь меня от чудовища...
Алтын-Тууди рассердилась,
Тойбон-хану ответила:

© ГПИБ СО АН

— Вот капризная ханская власть!
Не исполни я ханской воли —
Была б перед ним в ответе,
Ханский приказ исполнила —
Самой же теперь и расплачиваться!
Долго ли, хан, меня мучать будете,
Моего коня понапрасну гонять станете?..
От синего быка вас избавить попробую,
Коровы ваши бесплодными останутся —
На себя пеняйте!..
Из ханской юрты выйдя,
Синего быка Алтын-Тууди отвязала,
В горы Алтая его отвела,
Аркан с его могучих рогов сняла,
На волю его отпустила.
Синий бык на прощанье
Алтын-Тууди сказал:
— Твоим я другом навеки буду,
Преданным вечным слугою стану.
Откуда б голос твой ни раздался —
Всегда услышу,
Где бы ты ни была,
Всегда на помощь мою рассчитывай,
Обо мне, как о друге, помни!
Так сказав, синий бык
Алтын-Тууди поклонился
И вдруг, как сквозь землю, провалился,
Как дым растаял...
Алтын-Тууди к родным отправилась...

———

Когда рёв синего быка смолк
И на земле тишина наступила,
Тойбон-хан из-под ложа своего выполз,
Приосанившись, за стол уселся,
Проголодавшись, за еду принялся.

Неизвестно где пропадавшие,
Девяносто два ханских стражника,
Девять зайсанов одноликих
Тотчас перед ханом предстали,
Льстиво сочувствие ему выразили.
Как ни голоден был Тойбон-хан,
Сладкая пища ему в глотку не шла,
Черные думы ему покоя не давали.
Как только об Алтын-Тууди подумает —
В горле кусок застревает.
Сердце хана от злости ноет.
«Пока Алтын-Тууди жива —
Мне покоя не будет.
Рано иль поздно Алтын-Тууди
Против меня подымется,
Из-под моей власти выйдет»,—
Так Тойбон-хан думал.
Страх и злоба его точили.
К девяносто двум своим стражникам,
К девяти одноликим зайсанам
Тойбон-хан обратился:
— Охраняющие меня силачи,
Прислуживающие мне зайсаны!
Вместе давайте думать,
Как нам дочь старика Еленчи погубить,
Как нам от Алтын-Тууди избавиться...
Пока богатырша эта жива —
В ханстве моём покоя не будет,
Мирной жизни нам не видать...
Девяносто два его верных стража,
Девять угодливых приспешников
В один голос хану ответили:
— Чтоб в поединке с Алтын-Тууди нам
справиться —
Силы у нас не хватает,
Чтобы как-нибудь ее перехитрить,

© ГПНТБ СССР

Мудрости и смекалки у нас нет...
Тойбон-хан три дня и три ночи думал,
Новый замысел у него созрел:
— Пошлю-ка я эту Алтын-Тууди
Туда, откуда никто из смертных
Еще ни разу не возвращался! —
Так Тойбон-хан решил,
Двух ястребов серокрылых
С посланием к Алтын-Тууди отправил.
Дня не прошло — Алтын-Тууди явилась.
В ханскую юрту войдя,
Хана она спросила:
— Коню моему запотевшему
Выстойки вы не даете,
Мне, по родным стосковавшейся,
В семье пожить не даете,
Зачем опять меня вызвали?
Не волки ль на ваши стада напали,
Не хан ли соседний войной грозит,
Не ливень ли вашу юрту затопил,—
Что так поспешно меня потребовали?..
Тойбон-хан, Алтын-Тууди кланяясь,
Угодливо, ласково отвечал:
— Ясный свет моих глаз,
Прекрасная Алтын-Тууди!
Позвал я тебя за тем,
Чтоб объявить перед всеми,
Что половину моего народа
Тебе отдаю под управу.
Половину моих табунов и стад
В твое отдаю владение.
Отца твоего Еленчи отныне
Своим рабом не считаю,
Пускай он свободным будет!
Отныне в ханстве моём
Равной со мною ты будешь.

Как брат и сестра будем жить!
В честь этого моего решенья
Хочу я праздник великий устроить,
Со всей земли гостей пригласить,
Самой крепкою аракою
Всех гостей угостить!
Чтоб араку отменную приготовить,
Нужна особенная посуда.
Два чугунных кувшина-холодильника
Я по дружбе Эрлик-бию[18] на время дал.
Арака в тех чугунных кувшинах
Крепость особую приобретает.
Пока я к веселому тою готовлюсь,
Покуда гостей созывать буду,
В царство Эрлик-бия не съездишь ли?
Кувшины эти мне назад от Эрлик-бия
не привезёшь ли?..
Алтын-Тууди не сразу ответила,
Про себя подумала:
«Еще никто из живых
В подземное царство не ездил.
Что-то худое хан замышляет,
Не ради кувшинов меня туда отправляет...
Если я откажусь поехать —
В трусости он меня обвинит,
Перед людьми меня опозорит.
Будь, что будет — поеду!»
Тойбон-хану она сказала:
— За милости, мне оказанные,
Вас, мой хан, я благодарю.
Но властвовать наравне с вами
Над половиной народа не стану —
В бедной юрте я рождена,
Дочерью пастуха останусь.
От ваших щедрых даров —
От табунов и стад — я отказываюсь...

© ГПНТБ СО РАН

Если вы мне обещаете
Больше меня не тревожить,
Если поездка к Эрлику —
Ваше последнее порученье,
Ваш наказ я охотно исполню,
Кувшины вам привезти постараюсь!..
Больше ни слова не вымолвив,
Алтын-Тууди из юрты вышла,
На коня своего вскочила.
На хана не оглянувшись,
В неведомый путь отправилась,
Как ласточка вдалеке скрылась...

На половине дороги
Конь неустанный остановился,
Алтын-Тууди сказал:
— Чтоб к Эрлик-бию попасть,
Придется много преград преодолеть,
Через многие испытанья пройти.
Мой совет тебе, Алтын-Тууди,
Шестьдесят маралов надо убить,
Головы их с собою взять,
Жилы из шестидесяти маралов вытянуть —
В пути они нам пригодятся.
Угля из лиственниц надо нажечь,
Две сумины углем набить —
Без угля нельзя к Эрлик-бию ехать...
Когда во владенья Эрлика въедем,
Сама увидишь зачем всё это...
В мудрость вещего друга веря,
Алтын-Тууди советам его последовала.
В шести глубоких логах
Табун маралов пасущихся выследила,
На узкой тропинке у водопоя
Маралов подкараулила,

Из лука железного своего
Одною стрелою медной
Шестьдесят маралов убила.
Головы шестидесяти маралов
В седельные сумины уложила.
Жилы из ног маральих вытянув,
В клубки смотав, к седлу приторочила.
На склонах шести гор
Шестьдесят лиственниц срубила,
Большой костёр из них разожгла,
Две сумины угля наготовила,
На коня сумины навьючила.
Все приготовленья закончив,
К входу в подземное царство
Алтын-Тууди путь продолжала.
Вскоре глубокой пропасти,
Откуда чёрный дым подымается,
Красное пламя пышет,
Алтын-Тууди достигла.
Перед входом в царство Эрлика,
С лунным и солнечным Алтаем[19],
С миром земным простилась:
— Родной голубоглавый Алтай мой,
Луна и солнце, леса и горы,
На пороге в подземный мир
Меня благословите!
Родная моя земля,
Свет дневной и просторы синие,
Дайте мне силу и мужество,
Чтоб с Эрлик-бием встретиться,
Из тьмы подземной живою вернуться!
Так Алтын-Тууди с наземным миром простилась
Бобровую шапку поглубже надвинув,
Повод в руки покрепче взяла,
Мир земной еще раз оглядела
И в пропасть бездонную прыгнула.

Все ниже в пропасть спускаясь,
Вверх она поглядела —
Солнечно-лунный Алтай, уменьшаясь,
Дном казана показался[20].
Когда еще ниже спустилась —
Донышком чайной чашки
Небо Алтая ей показалось.
Ниже еще опустилась —
Наземный синий Алтай
Стал не больше конского глаза
И, наконец, из виду исчез,
Солнечный свет погас,—
В царстве тьмы, во владеньях Эрлика
Алтын-Тууди очутилась.
Тёмногнедой её конь без передышки
По царству подземному мчался,
К жилищу страшного Эрлик-бия
Алтын-Тууди приближалась.
Навстречу ей два ворона-великана
Шестисаженными крыльями махая, летели.
Один другому прокаркал:
— Сейчас мы глазами коня полакомимся,
Глаза у всадницы выклюем...
Алтын-Тууди, не раздумывая,
Маральи головы из сумин высыпала,
Вороны-великаны тотчас на них накинулись,
Стали глаза маральи выклёвывать.
Алтын-Тууди пропустив,
Вороны ей вослед прокаркали:
— Человек, с земного Алтая прибывший,
Давний голод наш утолил,
Глазами маральими нас угостил!
Доброго этого человека
Преследовать мы не станем.
Пусть к своей цели едет,
С удачей домой возвращается!..

Немного Алтын-Тууди проехала,
Семь жёлтых подземных женщин
Навстречу из тьмы выбежали,
Дорогу перегородили,
Страшными голосами завопили:
— Прибывшую из солнечного Алтая
Всадницу эту задержим,
Из её коня жилы вытянем —
Для шитья будет ниток вдоволь...
Алтын-Тууди, догадавшись,
Каждой из семерых женщин
По клубку маральих жил подала.
Жёлтые женщины обрадовались,
С пути Алтын-Тууди расступились,
В один голос ее благодарили:
— Долго такого подарка мы ждали,
От славной земной девицы,
Наконец, его получили!
Дадим ей дорогу, сёстры,
В начатом ею деле
Удачи ей пожелаем.
Благополучного возвращенья
В солнечный мир земной
Славной всаднице пожелаем!..
Песней весёлой подземные женщины
Алтын-Тууди проводили.
Дальше она поехала по тёмной подземной дороге.
Чтоб подбодрить себя,
Звонко запела...
Вдруг из тьмы появились
Два великана чёрных с огненными глазами.
Тяжелыми молотами размахивая,
Они на пути её встали,
Громко и горестно закричали:
— В нашем горниле огонь угасает,

На наковальне железо остыло...
Эту всадницу неизвестную
Вместе с конем в горн подбросим,
Ими огонь угасающий разожгём!..
Алтын-Тууди тотчас же
Сумины с углем отвязала,
Каждому великану по сумине угля дала.
Великаны-кузнецы обрадовались,
Громко возликовали,
Алтын-Тууди благодарили:
— Гостья с Алтая лунного
Славный подарок нам привезла,
Огонь затухающий в нашем горне
Нам возжечь помогла!
Смело вперёд поезжай дорогой своей,
Больше преград на пути не будет.
Цели своей достигнув,
Свои намеренья исполнив,
В солнечный мир земной
Счастливою возвращайся!
Так кузнецы-великаны
Алтын-Тууди напутствовали,
Вослед ей удачи желали.
Стрелою Алтын-Тууди вперёд помчалась.
Из тёмноты перед нею
Железно-чёрной горою
С огнедышащей дверью
Жилище Эрлик-бия возвысилось —
Знойный ветер от него дует,
Горелым мясом пахнет.
Алтын-Тууди, не робея,
К жилищу Эрлик-бия подъехала,
К железной семиколенной коновязи
Коня своего привязала,
Семистворчатую железную дверь отворив,
В жилище Эрлик-бия вступила.

Возле пылающего очага,
На медном высоком троне
Владыка подземного царства сидит —
Лик его чёрен, как деготь,
Лохматые чёрные волосы
Подобны тайге дремучей,
Всклоченные борода и брови
На грозовые тучи похожи,
Глаза, как огненные озёра,
Горбатый нос, как утес, торчит,
В пасти клыки сверкают...
Алтын-Тууди к очагу присела,
Трубку свою раскурила.
Трубками с Эрлик-бием они обменялись,
В глаза друг другу взглянули.
Голос Эрлик-бия,
Подобно реке подземной, заклокотал,
Когда владыка подземного царства
К Алтын-Тууди обратился:
— Звери шерсть на теле имеют,
У человека имя должно быть.
Что за человек ко мне пришёл,
С какой земли появился,
Какое дело ко мне имеет? —
Так Эрлик-бий грозно спросил.
Алтын-Тууди, не робея, ответила:
— Солнечно-лунный Алтай —
Место рождения моего.
Дочь пастуха Еленчи
Алтын-Тууди — имя мое.
В ханстве Тойбон-хана живу,
По его поручению к вам явилась.
Прославленный Тойбон-хан
К большому тою готовится.
Чтоб араки отменной нагнать,
Хану кувшины чугунные понадобились,

За ними направил меня сюда,
Кувшины эти ему верните...
Эрлик-бий, речь её выслушав,
В ярость и гнев пришел,
Как железо на огне, покраснел,
Как медведь, зарычал.
Развеселившись, захохотал.
Успокоившись, пробасил:
— Посланница Тойбон-хана!
Прежде чем просьбу твою исполнить,
Хочу услуги твоей просить,
Моё поручение выполнить...
Семь лет назад со стойбища моего
Семь бархатно-вороных коней
Неизвестно куда убежали —
Семь лет коней найти не могу...
Если этих коней отыщешь,
К коновязи моей доставишь —
Кувшины Тойбон-хану возвращу,
Подарками щедрыми тебя награжу.
На коня своего их навьючив,
На свой Алтай возвратишься...
Алтын-Тууди, подумав,
Эрлику твердо сказала:
— Стрела, с тетивы слетевшая,
Назад не возвращается.
Посланцу, наказа не выполнившему,
Лучше к хану не возвращаться!
Мне выбирать не приходится,
Все силы свои приложу —
На поиски ваших коней поеду!..
Так ответив, Алтын-Тууди
Жилище Эрлик-бия покинула.
На коня своего вскочив,
По подземному царству поехала,
В неведомый путь отправилась.

© ГПНТБ СО АН

Семь дней и ночей без отдыха
Она безуспешно блуждала —
Сквозь заросли леса чёрного,
Где и змея головы не просунет,
Алтын-Тууди пробивалась.
На неприступные скалы,
Где птице присесть невозможно,
Она бесстрашно взбиралась,—
Следов семи коней
Нигде не могла обнаружить.
Лишь на девятый день
На берегу безвестного озера
Следы семи лошадей заметила,
По этим следам направилась.
Шесть лет с коня своего не сходя,
Следы из глаз не теряя,
По неизведанным землям
За беглецами упорно гналась,
Лишь на седьмом году их увидела,
На семидесятом перевале настигла,
Шестидесятисаженным арканом
Сразу всех семерых заарканила,
Бархатно-вороных красавцев
На одном аркане за собой привела,
У коновязи Эрлик-бия поставила...
Владыка подземного царства
Сам ей навстречу вышел,
По бедрам себя ладонями хлопнув,
Удивленно проговорил:
— Хоть ты и женщиной родилась,
Однако богатырей семерых осилила,
Великое испытанье выдержала!
Моих сыновей родных покорила!
Так говоря, Эрлик-бий
На бархатно-вороных коней
Огненным вздохом дунул —

© ГПНТБ СО РАН

Семь вороных жеребцов
В семерых великанов превратились,
Низко отцу поклонились.
Разгневанный Эрлик-бий
На них закричал сердито:
— Меня опозорили вы, сыновья,—
Земная женщина вас одолела!..
Игру Эрлик-бия теперь поняв,
Алтын-Тууди рассердилась,
Гневно ему сказала:
— Владыка подземного мира,
Много веков живущий,
Детской своей игрой
Зачем вы меня испытывали,
Время у меня отнимали?..
Скорей кувшины мне подавайте,
Пора мне назад возвращаться,
Солнечный мир увидеть!..
Эрлик-бий, слова больше не вымолвив,
Два кувшина чугунных вынес,
Молча Алтын-Тууди их вручил.
Кувшины к седлу своему приторочив,
Алтын-Тууди на коня вскочила,
С Эрлик-бием не попрощавшись,
Как птица, в обратный пустилась путь.
Эрлик-бий в великой досаде,
Как медведь, зарычал,
Как старый ворон, закаркал,
На своих семерых сыновей закричал:
— Чёрные мои сыновья!
Немедля за этой Алтын-Тууди
В погоню пускайтесь,
Настигнув ее — уничтожьте,
Из мира подземного не выпускайте!
Семеро его сыновей
В ответ ему жалобно закричали:

— Ой-е, наш грозный родитель,
Уж лучше вы сами за нею гонитесь!
Своей семилетней погоней
Алтын-Тууди нас совсем измучила,
Силы и бодрости нас лишила,
Страхом наши сердца наполнила,—
Больше с нею не хотим связываться,
Новый позор от неё терпеть не желаем.
Эрлик-бий от ярости закружился,
Волосы на себе рвал,
Хрипя и визжа, орал:
— Из моего подземного царства
Ни один смертный не возвращался!
Если Алтын-Тууди уйдет,
Имя Эрлика я потеряю,
Люди в меня перестанут верить!..
Двух кузнецов-великанов кликнув,
Эрлик-бий грозно им наказал:
— Дорогу Алтын-Тууди преградите,
Вместе с конем в огонь её бросьте,
В пепел её превратите!..
Великаны-кузнецы ответили:
— В нашем горне огонь горит,
Углем, подаренным Алтын-Тууди,
Пламя мы воскресили,—
Зачем нам её преследовать,
Зачем возвращенью её мешать?..
Пусть крылья конь её обретет,
Пусть птицей сама она полетит,
На солнечно-лунный Алтай возвращается,
Пусть счастлива вечно будет!..
Эрлик-бий потом и пеной покрылся,
Как припадочный заметался,
Семерых подземных женщин призвав,
Грозно к ним обратился:
— Дочери мои отлученные,

© ГПНТБ СО АН

Буду я снова отцом вам добрым,
Если вы озорную девку,
С солнечного Алтая приехавшую,
В дороге сейчас перехватите,
Своими руками её задушите,
Из коня её жилы вытяните!
Семь жёлтолицых подземных женщин
В один голос ответили:
— Ой-е, наш грозный родитель,
Из-за того, что одежду и обувь вам
Сшить у нас было нечем,
Вы нас проклятию предали,
С глаз своих прочь прогнали...
Алтын-Тууди любезная
Клубками жил маральих нас одарила,
В давней нужде нам помогла,—
Зачем же нам злом за добро платить,
Зачем подругу нашу преследовать?..
Пусть, как песня, она летит,
На свой родной Алтай возвращается.
Пусть в радости и счастье
Жизнь свою проживёт...
Ответ дочерей услышав,
Эрлик-бий на землю повалился,
Сердце его чуть не лопнуло,
Глаза из орбит выскочили,
С рёвом он по земле катался.
Чуть отдышавшись, свистом
Воронов-великанов он вызвал,
Грозно им наказал:
— Верные чёрные вороны,
Стражи подземного ханства!
К выходу в солнечный мир
Вы скорей полетайте,
Алтын-Тууди настигнув,
Клювами темя её пробейте,

Коню глаза и печёнку выклюйте,
На солнечный свет эту девку
Живою не выпускайте!..
Вороны-великаны в ответ прокаркали:
— Ой-е, кровавою карой
Напрасно Алтын-Тууди угрожаете.
Красавицу мы не тронем,—
Кроме добра ничего от нее мы не видели.
А вы нас голодом долго морили.
Гостья с солнечного Алтая
Маральими головами вдоволь нас накормила,
Глазами маральими угостила.
Дорогу ей преграждать не будем —
Пускай на крыльях домой летит,
Пусть радость ей вечно сопутствует!
Этот ответ услышав,
Эрлик-бий в бешеной ярости
Усы свои длинные выдрал,
Лицо себе исцарапал.
От злости рыча и воя,
На бархатно-вороного коня вскочил,
Аркан длиной в девяносто сажен
На руку намотал,
На конце удавную петлю сделал.
Проклятия расточая,
Вслед за Алтын-Тууди помчался.
Аркан с заклинанием страшным кинув,
Тёмногнедого коня заарканил,
В петлю Алтын-Тууди поймал.
На всё подземное ханство захохотав,
Петлю начал затягивать.
Перед колдовством Эрлик-бия
Алтын-Тууди оказалась бессильной.
Заколдованным арканом сдавленный,
Конь её вещий уже задыхался.
Алтын-Тууди, полумертвая,

© ГПНТБ СО АН

О синем быке вдруг вспомнила,
Последние силы свои собрав,
Горестно закричала:
— Владыка синего моря,
В дружбе вечной поклявшийся!
Если мой крик ты слышишь,
На выручку поспеши,
От близкой смерти меня спаси!..
Едва крикнуть она успела,
Мычанье, грозе подобное,
Подземное царство заполнило,
Синей туче подобный,
Синий бык появился.
Аркан Эрлик-бия девяностосаженный
На свои рога намотал,
В девяти местах перервал,
Алтын-Тууди и её коня
Из заколдованной петли освободил.
Синей туче подобный,
С мычаньем, как гром оглушительным,
Как белый туман рассеялся,
Бесследно исчез...
Тёмногнедой конь,
Словно на крыльях могучих,
Быстрее стрелы летящей,
Алтын-Тууди из подземного мира
На свет, на солнечно-лунный Алтай
С радостным ржаньем вынес...

Из ада подземного вырвавшись,
На солнечный свет выехав,
Сладким воздухом подышав,
Красотой голубого Алтая
Алтын-Тууди залюбовалась.
На молодых деревьях

Почки, благоухая, лопались,
Леса зелёным шёлком оделись.
На солнечных склонах гор
Бархатная трава подымалась.
Душистым цветочным ковром
Луга весенние расстилались.
В молодых звонких лесах
Кукушки, не умолкая, куковали.
Разноголосые птицы пели...
Сердце Алтын-Тууди радовалось.
Вещий тёмногнедой конь,
Вешней сочной травы пощипав,
Целебной воды родниковой напившись,
По долинам, играя, кружился.
Алтын-Тууди в роднике целебном
Лицо студёной водой омыла —
Краса её засверкала,
Весенним цветком распустилась.
Лесною ягодой подкрепившись,
Алтын-Тууди засмеялась,
Звонкую песню запела.
Коня своего заседлав,
Кувшины чугунные на него навьючив,
Песней звонкой Алтай оглашая,
Как ветер весенний резвый,
К стойбищу Тойбон-хана
Алтын-Тууди полетела.
На белую гору поднявшись,
Белую ханскую юрту увидела.
Вокруг жилища Тойбон-хана
Дыханье бесчисленных лошадей
Белым туманом стелется,
Лица бесчисленных гостей
Алым заревом полыхают.
В полном разгаре весёлый той —
Лучшие из лучших коней

© ЛИТБСОЮЗ

В беге состязаются,
Сильнейшие из силачей
В борьбе силой меряются.
Разряженные богато девушки
Протяжные песни поют,
Ловкие силачи-красавцы
Плясками друг перед другом хвалятся...
В бесчисленных бронзовых казанах
Жирное мясо варится,
Из ташауров бесчисленных
Арака хмельная рекою льётся...
Алтын-Тууди, приосанившись,
Бобровую шапку на голове поправив,
С белой горы в долину спустилась,
К жилищу белоснежному Тойбон-хана
С достоинством подъехала.
Чтоб тёмногнедого коня под уздцы взять,
Друг у друга честь эту отбивая,
Шестьдесят молодцов ей навстречу кинулись.
Семьдесят молодцов, толкая друг друга,
Под руки Алтын-Тууди подхватили,
Шумно её приветствуя,
В ханскую юрту повели.
Народ богатырше любимой кланялся.
Кувшины чугунные в руках держа,
Алтын-Тууди за железный порог шагнула,
Золотой порог переступила.
Надменный отроду Тойбон-хан
На богатом золотом троне,
Ноги поджав под себя, восседал.
Девяносто два его силача,
Девять зайсанов его одноликих
Тойбон-хану прислуживали,
Разные яства ему подносили...
Посредине ханской юрты
Шестиногий стол золотой стоит,

Шестьдесят блюд с кушаньями
На золотом столе расставлены.
Около пиршественного стола
Из шелковистых белых ковров,
Из белых подушек шёлковых
Пышное ложе устроено.
Справа у изголовья ложа
Сильнейший из стражников ханских сидит.
Слева у изголовья
Старейший из зайсанов восседает.
Когда Алтын-Тууди вошла,
Тойбон-хан с трона своего поднялся[21],
Торжественно к ней обратился:
— Прекрасная Алтын-Тууди,
Храбрейшая из моих подданных!
Меня умиравшего исцелившая,
Огонь моего сердца воспламенившая,
Все мои порученья трудные
С честью и славой исполнившая,
За стол, для тебя приготовленный,
Усаживайся, угощайся!
После долгой дороги
На ложе, для тебя постланное,
Прошу прилечь отдохнуть!
Алтын-Тууди с достоинством
Тойбон-хану ответила:
— Жестокий и хитрый мой хан!
Силачи — его верные стражи!
Зайсаны — приспешники злые хана!
Правдивое слово хочу вам сказать,
Наверное уши вам оно обожжёт,
Не по душе придётся,
Но высказать правду время настало!..
Рождённая в юрте бедного пастуха,
На шёлковом ложе я спать не привыкла.
С детства привыкшая к голоду,

© НТБСО

Часто с собакой делившая пищу,
За золотым столом я есть не умею,
В тонких яствах не разбираюсь.
С раннего детства на белый свет
Привыкшая сквозь ушко иголки глядеть,
В ханских покоях я жить не стану,
В богатстве и роскоши не нуждаюсь.
В добрые ваши намерения,
В лестные ваши слова не верю,
На вашу совесть и честь не надеюсь!
Так сказавши, Алтын-Тууди
Угол пышного ложа откинула.
Под шёлковой этой постелью
Вырыта яма была
Глубиной в девяносто сажен.
На дне этой ямы воткнуто
Девяносто пик остриями кверху.
Дно ямы камнем острым усыпано.
Открыв западню, для неё приготовленную,
Алтын-Тууди запылала гневом.
Глаза её засверкали, как молнии,
Голос, как сталь, зазвенел,
Когда к обличенному Тойбон-хану
Гневно она обратилась:
— Шерстью сердца обросшие,
Подлостью полные ваши утробы,
Вот чем вы мне за добро отплатить готовились!
Вот какую награду
За все старанья мои поднести хотели!
Теперь перед всем народом
Козни ваши раскрылись.
Сейчас перед всем народом
Придётся вам расплатиться,
Суровую кару за всё нести!..
Приговор этот произнеся,
Алтын-Тууди рукава засучила,

Тойбон-хана, за жирный загривок схватив,
Трижды тушу его приподняв,
С размаху в глубокую яму сбросила.
Девяносто двух стражников ханских,
Девять одноликих зайсанов —
Лукавых ханских приспешников
Вслед за ханом в западню бросила.
Кувшины чугунные Эрлик-бия,
Стол золотой и богатые блюда
В яму глубокую поскидала,
Так, что от пиршественного застолья
Капли одной не осталось,
От хана и ханской свиты
Запаха не осталось.
Ханские два тайгыла,
Возле порога сидевшие,
Морды к небу подняв, завыли.
У дымохода сидевшие коршуны
В разные стороны разлетелись.
По владениям Тойбон-хана
Гром прокатился,
Девять гор островерхих рассыпались,
Девять чёрных широких озёр
Из берегов своих вышли.
Весь народ голубого Алтая
Гибель Тойбон-хана видел,
Подвигу Алтын-Тууди дивился.
Алтын-Тууди из ханской юрты вышла,
Чтоб на родное стойбище ехать.
Сесть на коня не успела —
Народ, как стаи ласточек,
Алтын-Тууди окружил.
На руки её подняв,
В один голос люди заговорили:
— Могучая наша Алтын-Тууди,
В народе выросшая богатырша!

Эрлик-бия свирепого ты одолела,
Тойбон-хана жадного поборола.
Со сворой ханских кровавых псов
Ты навсегда расправилась,
Вечно измученному народу
Слёзы навсегда осушила,
От злого насилья его избавила,—
Зачем народ ты покинуть хочешь?
Разномастные наши стада
Пусть твоим будут стадом,
Разноплеменным народам Алтая
Мудрою головою будь,
Жизнью нашей руководи!
Слова ответного не сказав,
От народа не уезжай!..
Просьбу народную выслушав,
Алтын-Тууди, подумав, ответила:
— Люди, много бед и мук пережившие,
Добрый совет мой выслушайте!
Те, кто был Тойбон-ханом пленён,
Со стойбищ родных им угнан,
Принадлежащий вам скот возьмите,
В родные долины свои возвращайтесь!
Те, кто родился на этой земле,
Был извечным рабом Тойбон-хана,
Скот его меж собой поделите,
Пастбищами хана владейте,
В мире и дружбе вечно живите!
Быть заменою Тойбон-хана,
Всех попрежнему приневоливать,
Добрые люди, я не желаю!..
Как вешние реки, народ зашумел,
Как птичьи стаи, Алтын-Тууди окружил,
Дружно, в один голос промолвил:
— Разбредаться по разным местам,
Чтоб попасть в неволю

Злых чужеземных ханов,
Никто из нас не желает...
Нас от насилья и гнёта избавив,
К миру и дружбе нас призывая,
Будь нашей общею головой,
Мудро нами ты управляй!
Все за тебя мы горою встанем,
Чтоб отстоять от врагов наш Алтай —
Жизни и силы не пожалеем!
На солнечно-лунном Алтае
Дружной семьёю мы жить желаем.
Ты справедливо и мудро
Народ весь к счастью веди!
Алтын-Тууди, уступив народу,
Быть главою его согласилась...
С этой доброй и славной поры
Алтын-Тууди — богатырша
Народ Алтая за собою вела.
Лучшие пастбища выбирая,
Стада разномастные умножала.
Вдоль рыбных рек и в лесах для охоты
Мудро народ расселила.
Волчьи стаи к сытым стадам
Приближаться не смели.
Чужеземные воины с пиками наперевес,
На Алтай набегов не совершали.
Мирно и дружно живущих людей
Обижать никто не отваживался.
На солнечно-лунном Алтае
Так Алтын-Тууди жила.
Просившего подаянья
За своим столом угощала.
Уставшего в долгой дороге
Под кровом своим привечала,
Добрым советом напутствовала.
Долго Алтын-Тууди прожила

Всем народом любима.
При жизни славной Алтын-Тууди
Листва с могучих лесов не опадала,
Голоса певчих птиц
В вечно зеленых лесах не умолкали...

© ГПНТБ СО РАН

ПРИМЕЧАНИЯ

Героическая народная поэма «Алтын-Тууди» была по памяти записана покойным алтайским писателем Павлом Васильевичем Кучияком. В детстве он слышал эту поэму от своего дедушки, известного сказителя Шонкора Шунекова. По словам П. В. Кучияка, эту поэму исполняли и другие сказители, кочевавшие в долине Катуни и по берегам её притока Куюм.

На алтайском языке поэма была опубликована при жизни П. В. Кучияка. Подстрочный перевод, сделанный уже после смерти поэта, принадлежит его сыну Ивану Павловичу Кучияку. Литературный перевод Александра Смердова. В целях сокращения объема поэмы при переводе отдельных мест опущены некоторые незначительные подробности и повторы.

Поэма записана и публикуется впервые. Правда, аналогичный сюжет известен по книге Н. Я. Никифорова «Аносский сборник», изданной в Омске в 1915 году под редакцией и с примечаниями Г. Н. Потанина. Н. Я. Никифоров записал в селении Аскат от сказителя Чолтоша, по терминологии Г. Н. Потанина, сказку «Аин-Шаин-Шикширге». Эта сказка переведена на русский язык прозой. Она существенно отличается от «Алтын-Тууди». Старик, отец трех дочерей, там носит имя — Олокшин. На месте Караты-хана — Кулузун-хан. Младшая дочь там не имеет имени. Это не случайно. После ее первой поездки к хану выясняется, что это не девушка, а юноша. Оказывается, бабка-повитуха обманула родителей и мальчика выдала за девочку. Когда обман обнаруживается — бабка-повитуха дает юноше имя так же, как нарекают имена новорожденным. Юношу начинают звать — Аин-Шаин-Шикширге. Эпизода с ямой в тексте Никифорова нет. Выполнив все требования хана, Аин-Шаин-Шикширге просто уезжает на небо и там остается жить. В это время из подземного мира выходит злой бог Эрлик и на стойбище

Тойбон-хана съедает всех людей. «В живых никого не осталось»,— говорится в конце сказки.

В сказке «Аин-Шаин-Шикширге» видно, как древний сюжет народной поэмы об Алтын-Тууди в последние века перед социалистической революцией претерпел большие изменения. Сказка была приспособлена к интересам феодалов. Опасаясь, что образ богатыря-девушки дурно повлияет на современных им слушательниц и пробудит мысли о борьбе за равноправие, крупные феодалы или их угодливые приближённые внесли поправку: посмотрите, подвиги совершает совсем не девушка, а юноша.

Аин-Шаин-Шикширге покорно выполняет все требования своего хана и, подконец, мирно уезжает от него. Злой бог Эрлик выходит на землю и пожирает народ. Он ждет, когда ему принесут в жертву лошадей.

Сказка была направлена на запугивание трудового населения кровожадным богом. Она служила интересам феодалов и шаманов.

Запись Никифорова свидетельствует о том, как феодалы искажали героические народные произведения, пытаясь направить их против народа.

В весьма пространных и путаных примечаниях Г. Н. Потанин прибегнул к космополитическим рассуждениям в духе Веселовского. Он тщетно пытался доказать, будто бы эта сказка была заимствована алтайцами у других народов. Для подкрепления своих шатких доказательств он привёл даже некоторые христианские легенды. Из этих примечаний видно, что Г. Н. Потанину было совершенно не известно существо народного творчества, отражающего жизнь и чаяния того народа, которому оно принадлежит. Имена действующих лиц сказки, бытовая, социальная и историческая обстановка — всё говорит о том, что это произведение создано алтайцами. Феодалы пытались исказить его. В тексте, записанном П. В. Кучияком, эта героическая поэма предстаёт перед нами в её подлинно народном виде.

***

Алтын-Тууди. Алтын — золотая, туудьы — сказка. Золотая Сказка — так народ мог назвать только самую любимую героиню своего эпоса.

1. **Кайларить я начинаю...** Кайларить — петь под аккомпанемент топшура героические народные поэмы. Сказитель по-алтайски — кайчи.

2. **Топшур я настраиваю...** Топшур — двуструнный музыкальный инструмент, похожий на балалайку. Струны на топшуре — из конского волоса.

3. **Два пса-тайгыла лежали.** Тайгыл — огромная собака, встречающаяся только в эпосе.

4. **Девяносто два стражника...** Это алыпы — силачи, охраняющие хана.

5. **Девять зайсанов...** Зайсан — родовой старшина, князёк. Этот титул в горах Алтая впервые появился в то время, когда алтайцы были порабощены джунгарскими феодалами. Л. П. Потапов, ссылаясь на Ф. И. Леонтовича «Древне-монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий», пишет: «В древних монгольских и ойратских уложениях термин «зайсан» означает «второе привилегированное сословие белой кости», т. е. дворянство» (Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948 г., стр. 312).

6. **Подпруги, износу не знающие...** В оригинале говорится: «Тридцать подпруг, которые не износятся в тридцать лет»...

7. **Щеки ее, как цветы маральника, алы.** Маральник — алтайское название сибирского багульника (Rhododendron dauricum L.). Это кустарник, принадлежащий к семейству вересковых, с красивыми фиолетово-розовыми цветами.

8. **Шестидесятирогий лохматый марал...** Марал — вид благородного оленя, которого сейчас на Алтае разводят в особых мараловодческих совхозах ради пантов (молодых рогов). Панты спиливают и из них приготовляют лекарство — пантокрин. Марал очень часто встречается в эпических произведениях и сказках алтайцев.

У марала с каждым годом прибавляется количество отростков на рогах. Здесь шестьдесят отростков, видимо, должны свидетельствовать о возрасте старика Еленчи, обернувшегося маралом.

9. **Ташаур** — кожаный сосуд для хранения и перевозки молока, кумыса и других молочных продуктов.

10. **Арака** — самогонка из кислого молока.

11. В оригинале говорится: «Уважаемая Алтын-Тууди...»

12. **Родившие и вскормившие меня отец и мать...** В оригинале Алтын-Тууди сначала обращается с призывом о помощи к лесам и горам Алтая, к луне, солнцу и небу, а уж потом — к родителям.

13. **Бронзовый таган сам собой зазвенел...** Трёхногая подставка, поддерживающая котёл (казан) над костром. Бронзовые котлы известны на Алтае по археологическим находкам и относятся к скифскому времени, т. е. первому тысячелетию до нашей эры. В более позднее время таганы делали только из железа.

14. **Той за тоем устраивал...** Той — пир, свадьба, празднество.

15. **Кам** — шаман. Камлать — шаманить, бить в бубен и петь шаманские песни, приносить животных в жертву богам.

16. **Скот с тебеневок разбежался...** Тебеневка — зимнее пастбище. На тебеневках скот разгребает снег копытами, чтобы добыть себе корм.

17. **Нивесть куда запропастились...** В оригинале подчеркивается, что девяносто два силача и девять зайсанов убежали от страха, «лишившись рассудка».

18. **Эрлик-бий** — злой бог. Бий — чиновник, господин, судья, начальник. Добавление к имени злого бога слова «бий» лишний раз подтверждает, что бог создан по образу и подобию земных начальников, феодалов, ханов. Эрлик — бог скотоводов. Мало того, что он требует, чтобы ему приносили в жертву лошадей, он сам занимается скотоводством и даже своих сыновей превращает в вороных лошадей. Жилище Эрлика — типичная юрта скотовода. Араку он приготовляет из кислого молока, пользуясь той же примитивной утварью, которой пользовались кочевники до самого последнего времени. Дочери злого бога для шитья одежды и обуви применяют жилы, взятые из маральих ног. Маральими и косульими жилами в Горном Алтае по сие время шьют зимнюю обувь. Всё это подтверждает, что «каждая религия является ни чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, отражением, в котором земные силы принимают форму сверхестественных». (Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. т. XIV, стр. 322).

Эрлик встречается во многих народных поэмах. Алтайские богатыри неизменно вступают в жестокую борьбу с этим злым богом. Несмотря на могущество и силу Эрлика, богатыри, пользуясь своей мудростью, всегда из схватки выходят победителями. Они принуждают злого бога выполнить волю человека. Некоторые из богатырей даже наказывают Эрлика ударами ветвей шиповника, а потом ставят ему на лоб тавро в знак того, что злой бог теряет силу и не будет причинять людям зла.

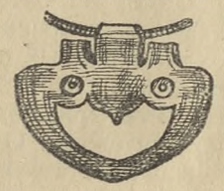
Самым мудрым и могущественным на земле является простой человек, пастух и охотник — такова основная мысль, вложенная в эпизоды победоносной борьбы человека с злым богом.

Тойбон-хан требует, чтобы Алтын-Тууди привезла от Эрлика два кувшина-холодильника — дьыракы, в которые стекает арака из самогонного аппарата. В «Аин-Шаин-Шикширге» Тойбон-хан требует еще, чтобы ему доставили от Эрлика шубу из белой рыси. И то и другое раньше принадлежало хану. В кувшинах у него хранились зародыши скота, а белая шуба являлась душой нарождающегося народа. Подружившись с Эрликом, хан дал ему во временное пользование шубу и кувшины. У злого бога плодился скот и народ, а у хана старые умирали, а вновь никто не рождался. Прошло некоторое время и хан «скотом разорился, народом оборвался» («Аносский сборник», стр. 51). Тогда он потребовал, чтобы Эрлик вернул ему кувшины и шубу из белой рыси. Злой бог был принужден выполнить это требование. Но вскоре он, воспользовавшись первой возможностью, решил отомстить хану, поднялся на землю, съел всех его людей, а заодно и самого хана со всем его семейством. Отношения между ханом и злым богом, как мы видим, такие же, какими они были между феодалами, которые все время вели междуусобную борьбу со своими соседями.

19. **С лунным и солнечным Алтаем...** Здесь слово «Алтай» употреблено как синоним слова «земля».

20. **Солнечно-лунный Алтай, уменьшаясь, дном казана показался...** В алтайском фольклоре очень часто небо сравнивается с опрокинутым котлом. Широко распространено выражение: «На дне синего неба». Здесь небо также представляется в виде опрокинутого казана.

21. **Тойбон-хан с трона своего поднялся...** Трон у Тойбон-хана своеобразный, отражающий быт кочевника. Он состоит из девяти войлочных ковров, разостланных один поверх другого. Ковры украшены золотом, потому и говорится — «золотой трон».



© ГПНТБ СО РАН